

«МЫ ЛЮДИ РАЗНЫХ МИРОВ»
Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу
(1923–1936 гг.)

*Публикация, вступительная статья и комментарии
М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной.
Подготовка текста М.М. Горинова-мл.*

Впервые публикуемые письма Марии Евгеньевны Ямпольской (1867–1937) адресованы ее сыну — известному русско-американскому историку и общественному деятелю Михаилу Михайловичу Карповичу (1888–1959)¹. Они написаны в 1923–1936 гг. в СССР, в Москве и Тифлисе, и отправлялись в США, где затем в течение многих десятилетий хранились в составе большого семейного архива. Свободное эпистолярное общение через океан и / или границы между членами одной семьи, эмигрантами и советскими гражданами, — явление мало исследованное, да и вообще не очень заметное в историографии, ибо до сих пор сохраняет свою инерционную силу выстраданный белой эмиграцией миф о разделенном народе. Долгие непроницаемые десятилетия «железного занавеса» и холодной войны второй половины XX в. окончательно сцементировали представление о том, что постреволюционный исход навсегда разорвал сотни тысяч российских семей и сделал невозможным их контакты. Между тем в 20-е и даже в середине 30-х гг. XX в. такая переписка не была чем-то экстраординарным. Достаточно вспомнить многолетний эпистолярный диалог между членами семьи Вернадских, но там — знаменитый академик, обласканный и контролируемый советской властью. Однако и на уровне рядовых граждан СССР переписка с зарубежными соотечественниками-эмигрантами также не прерывалась вплоть до начала Большого террора, и этот исторический феномен еще требует своего изучения и интерпретации. Настоящая публикация — важный материал к этой теме.

Михаил Михайлович Карпович — один из самых известных русских эмигрантов XX в. и самый успешный русский историк-эмигрант в США. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он посвятил свою молодость не столько научной карьере, сколько общественной деятельности. Не имея ни ученой степени, ни опубликованных научных трудов, в 1927 г. в возрасте 39 лет он получил уникальное приглашение Гарвардского университета прочесть курс русской истории и затем долгие годы преподавал здесь, став профессором и заведующим Славянским департаментом университета. Тем самым М.М. Карпович занял одну из ведущих позиций в американском академическом сообществе, связанном с Россией и СССР, а его гарвардские ученики (Р. Пайпс (Pipes), Л. Хеймсон (Haimson), М. Малиа (Malia) и др.) фактически определили лицо американской русистики второй половины XX столетия. Если добавить к этому, что с 1946 г. Михаил

¹ Избранную литературу, посвященную жизни и трудам М.М. Карповича, см. ниже.

Карпович являлся главным редактором ведущего послевоенного журнала русской эмиграции — «Нового журнала» и фактическим главой Гуманитарного фонда, то становится понятным, что в послевоенной русской интеллектуальной элите в США он занимал центральное положение.

Тем не менее даже спустя полвека после кончины историка его научная биография не создана; рискнем утверждать, что эта печальная закономерность вообще очень характерна для посмертных судеб российских эмигрантов XX в., обделенных монографическим вниманием по обе стороны океана. В то же время работы А.А. Болховитинова и А. Зейде, недавние публикации «Лекций по интеллектуальной истории России» М.М. Карповича и его писем близкому другу со студенческой скамьи историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973) создают надежный фундамент как для изучения биографии, так и для понимания той интеллектуальной атмосферы, среды и времени, в

*М.М. Карпович. <1940-е гг.>
Опубл.: [Карпович 2012]*

которых происходили гражданское и научное становление и деятельность русского гарвардского профессора и историков-эмигрантов его поколения.

Как известно, поворотным пунктом в судьбе М.М. Карповича стала его встреча в мае 1917 г. с другом семьи по Тифлису профессором-гидрологом и видным кадетом Б.А. Бахметевым (1880–1951), получившим назначение руководителем Чрезвычайной российской миссии в США и собиравшим кадры этой миссии. В качестве его секретаря 30-летний Карпович и отправился в Америку — как оказалось, навсегда. Однако он никогда не терял связей с остававшейся в России / СССР своей большой семьей — отцом, матерью, сестрой и другими родными, — и до Второй мировой войны активно материально поддерживал их. Стоит отметить, что вообще близкий круг Михаила Карповича на протяжении всей жизни оставался достаточно консервативным, сформированным еще в России. Вероятно, широко понимаемая семейственность, домашность, верность друзьям и одновременно идейная толерантность как важные психологические и мировоззренческие доминанты в немалой степени способствовали собиранию вокруг него самых разных по взглядам и возрасту людей, к каждому из которых Карпович находил свой подход и интерес.

В 2014 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына получил бесценный дар Татьяны Борисовны Терентьевой, двоюродной внучки М.М. Карповича и правнучки М.Е. Ямпольской, — сотни листов писем семейной корреспонденции Карповичей / Терентьевых / Пресняковых / Ямпольских² и транскрипты гарвардских лекций М.М. Карповича по интеллектуальной истории России, которые и образовали личный фонд М.М. Карповича в Архиве ДРЗ (Ф. № 209). Письма родственников М.М. Карповичу из России / СССР за 1917–1936 гг. составляют двенадцать папок этих материалов.

Автор публикуемых в настоящем издании писем — мать историка Мария Евгеньевна Ямпольская — родилась в 1867 г. в старинной дворянской семье. Ее отец Евгений Львович Пресняков (1840–1916) был инженером путей сообщения и членом правлений различных железных дорог, а мать Мария Пафнутьевна (1842–1905) принадлежала к не менее родовитой семье коллежского ассессора П. Лопатина. В семье Пресняковых было четверо детей: дочери Екатерина, Надежда и Мария и сын Александр (1870–1929), будущий знаменитый историк, специалист по средневековой истории России.

Школьные годы Марии Евгеньевны Пресняковой прошли в Москве: шестнадцать лет она окончила гимназию, а через два года вышла замуж за Михаила Викентьевича Карповича (1855–1927), начальника 6-го участка службы пути Закавказских железных дорог. В Тифлисе у них родилось двое детей: Михаил, будущий историк, и Наталья (1890–1967)³. Однако семейная жизнь старших Карповичей не сложилась, и когда Михаилу было всего четыре года, а Наталье — два, Мария Евгеньевна уехала в Петербург со своим новым мужем Иваном Платоновичем Ямпольским.

Любопытно, что дети остались с отцом, в их воспитании большую помощь М.В. Карповичу оказывала его родная сестра Нина Викентьевна. Ее муж врач Георгий Григорьевич Калашников и дети — сын Михаил и дочери Елена, Евгения и Татьяна — были не только родственниками, но и большими друзьями Карповичей, с которыми долго жили вместе, одной большой семьей, о чем подробно рассказывается в мемуарах их потомков [Калашников 2005, с. 199, 204–205; Терентьева 2007, с. 5, 7]. В 1906 г. Михаил Карпович окончил 2-ю мужскую, а Наталья — 2-ю женскую тифлиссские гимназии. В тот же год Михаил уехал учиться в Москву, в 1907 г. сюда приехала и его сестра, поступившая на историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье⁴. В Москве решилась и ее личная судьба — Наталья Карпович познакомилась с однокурсником брата Игорем Герасимовичем Терентьевым (1892–1937), будущим известным театральным режиссером, поэтом и художником-авангардистом, учившимся в те годы на юридическом факультете Московского университета, и в 1916 г. вышла за него замуж. Терентьевы уехали жить в Тифлис, где 11 октября того же года у них родилась дочь Татьяна.

² Биографические сведения об упоминаемых родственниках М.М. Карповича даются в комментариях к тексту писем.

³ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 31. Формулярный список о службе М.В. Карповича.

⁴ Там же. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620. Л. 6 об., 7, 8.

Тем временем мать М.М. Карповича Мария Евгеньевна и ее муж жили по-прежнему в Петрограде, где И.П. Ямпольский служил в Управлении кустарной промышленности Министерства земледелия Временного правительства (скончался в 1919 г.). В 1926 г. Мария Евгеньевна и усыновленный ею еще в 1908 г. Леонид Александрович Захаров переехали в Тифлис, где последний занимался преподавательской деятельностью. В сентябре 1935 г. они вернулись в Центральную Россию и поселились в подмосковном городе Пушкино, а с сентября 1936 г. жили в Москве, где Мария Евгеньевна и скончалась в апреле 1937 г. Такова самая внешняя канва жизни семьи Карповичей в первые десятилетия XX в.

Комплекс писем М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу весьма значителен по объему. Ее переписка с сыном длилась почти двадцать лет — с мая 1917 по ноябрь 1936 г., и за это время Мария Евгеньевна написала около трехсот писем общим объемом 894 листа! Она писала регулярно, обстоятельно, один-два раза в месяц. К сожалению, ответные письма М.М. Карповича не сохранились⁵.

М.Е. Ямпольская, так же как и ее брат, историк А.Е. Пресняков, и сын, была человеком с очень разносторонними интересами, и ее письма содержат массу мелких и крупных семейных и исторических событий, впечатлениями о которых она щедро делилась с сыном. Тон писем свидетельствует о доверительности их отношений, хотя на многие вещи мать и сын изначально смотрели по-разному, а со временем их взгляды еще более разошлись.

Так, в первых письмах М.Е. Ямпольской преобладало критическое отношение к происходящему в стране, «охваченной революцией». В 1917 г. Мария Евгеньевна писала о повсеместной разрухе, дороговизне, голоде, холоде и виновниках этого — большевиках: «живем во власти и под пятой большевика», в «царстве спятивших с ума людей»⁶. Она с ностальгией вспоминала утраченные «свободу и комфорт прежней жизни»⁷, сожалела об «уничтожении традиций»⁸ русского человека.

Очень привязанная к своему брату, историку Александру Евгеньевичу Преснякову, М.Е. Ямпольская подробно описывает практически не отраженное в советской периодике празднование юбилея его научной деятельности 4 июля 1923 г. в актовом зале Петроградского университета, собравшее многих «бывших», в том числе академика С.Ф. Платонова (1860–1933). Много места в письмах уделено трудной жизни семьи дочери. Мария Ямпольская высоко ценила талант, ум, обаяние Игоря Терентьева, но страдала от его непрактичности, неумения обеспечить семью и артистической самоуверенности, мешавшей найти общий язык с собратьями по искусству.

Несмотря на непростые условия жизни, загруженность хозяйственными делами, М.Е. Ямпольская находила время на посещение театров и концертов и делилась с сыном впечатлениями о музыкальных премьерах и спектаклях, ху-

⁵ Советские «компетентные органы» хорошо знали об этой переписке — она упомянута в показаниях Игоря Терентьева в мае 1931 г. на следствии в Днепропетровском секторе ГПУ УССР [Терентьев 1993, с. 40].

⁶ Фонд М.М. Карповича находится в стадии научно-технической обработки, поэтому здесь и далее приводятся временные архивные легенды документов на дату публикации. См.: Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 12. Л. 38 об. (письмо от 21 ноября 1917 г.); Л. 39, 39 об. (29 декабря 1917 г.).

⁷ Там же. Папка 8. Л. 39 (письмо от 19 сентября 1925 г.).

⁸ Там же. Л. 46 (письмо от 8 ноября 1925 г.).

дожественных фильмах и прочитанных книгах. Мария Евгеньевна, например, оценила «жизненную правду и искренность» советских писателей А.А. Фадеева (1901–1956) и А.П. Чапыгина (1870–1937), хотя сын именовал их творчество «тенденциозным», его шокировал «причудливый стиль» советской литературы⁹. В то же время в ее письмах подробно описываются детали бытовой жизни (цены, питание, отопление помещений, работа транспорта и др.) в Петрограде, Тбилиси, Москве, что делает их прекрасным источником для изучения советской повседневности 1920–1930-х гг. и динамики ее восприятия «бывшими».

До конца своих дней М.Е. Ямпольская следила за политической и общественной жизнью в СССР, читала журналы и газеты, слушала радио. Она делилась с сыном впечатлениями от самоубийства В.В. Маяковского, судебного процесса по делу Промпартии (1930), докладов XVII съезда ВКП(б), тревожилась за спасение челюскинцев. К середине 1930-х гг. М.Е. Ямпольская почти приветствует советскую действительность. Многие ее стороны (физическая подготовка молодежи, воспитание в ней активности и уверенности в своих силах, всеобщее образование, бесплатное здравоохранение, равноправие наций, борьба за мир на международной арене) она воспринимает с энтузиазмом и одобрением.

Публикуемые письма — лишь небольшая часть переписки М.М. Карповича и его матери. Все они публикуются впервые по автографам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Текст писем передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставлены необходимые знаки препинания. Проведено деление текста на абзацы. Стилистические особенности оригинала и авторские подчеркивания сохранены.

Выражаем глубокую признательность Т.Б. Терентьевой и Г.М. Иноземцеву за консультации и помощь в составлении комментариев, а также М.А. Котенко за помощь в работе в архиве Дома русского зарубежья.

Источники и литература

ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы

- Артизов 1996 — *Артизов А.Н.* Болезнь и кончина А.Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 158–160.
- Болховитинов 2005 — *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- Горинов 2013 — *Горинов М.М.* Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 221–230.
- Горинов, Сорокина 2014 — «Мы живем в совсем особенной атмосфере...»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. / предисл., публ. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156.
- Зейде 2008 — *Зейде А.* Михаил Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. Кн. 253. С. 123–139.

⁹ Там же. Л. 26 (письмо от 3 мая 1925 г.); Папка 3. Л. 143–144 (21 февраля 1929 г.); Папка 11. Л. 51 об. (23 ноября 1930 г.).

- Из архива Ильи Зданевича 1988 — Из архива Ильи Зданевича: Переписка с братом / публ. Р. Гейро // *Минувшее: Исторический альманах*. Париж, 1988. Вып. 5. С. 123–164.
- Калашников 2005 — *Калашников М.Г.* *Минувшее* / публ. К. Ясновой // *Новый журнал*. 2005. Кн. 241. С. 190–232.
- Калашников 2006 — *Калашников М.Г.* *Минувшее* / публ. К. Ясновой // *Новый журнал*. 2006. Кн. 242. С. 147–173.
- Карпович 2012 — *Карпович М.М.* *Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века)*. М., 2012.
- Кондратенко 1997 — *Кондратенко Р.* Игорь Терентьев: Биография постмодерниста // *Петербургский театральный журнал*. 1997. № 12. С. 111–114.
- Левитин 1982 — *Левитин М.З.* *Чужой спектакль*. М., 1982.
- Никольская 2000 — *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917–1921. М., 2000.
- Никольская, Марцадури 1988 — *Никольская Т.Л., Марцадури М.* Игорь Герасимович Терентьев: Биографическая справка // Терентьев И.Г. *Собр. соч.* Болонья, 1988. С. 15–21.
- Перейра 2012 — *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. *Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века)*. М., 2012. С. 7–23.
- Панеях 2005 — *Панеях В.М.* Учитель и ученик: Александр Евгеньевич Пресняков и Борис Александрович Романов // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.*: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 595–609.
- Письма 1992 — Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // *Новый журнал*. 1992. Кн. 188. С. 259–296.
- Пресняков 2005 — *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927 гг. СПб., 2005.
- Следственное дело 1995 — Следственное дело Игоря Терентьева (1931) / публ. С.В. Кудрявцева // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 533–608.
- Спивак 2001 — *Спивак М.* *Посмертная диагностика гениальности*. М., 2001.
- Терентьев 1993 — *Терентьев И.* Мои похороны. Стихи. Песни. Следственные показания. Документы / сост. и подг. книги С. Кудрявцева. М., 1993.
- Терентьева 1991 — *Терентьева Т.И.* Мой отец Игорь Терентьев // *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре*. Bern, 1991. С. 353–360.
- Терентьева 2007 — *Терентьева Т.И.* *Долгая, быстрая жизнь*. М., 2007.
- Терентьевский сборник 1996 — *Терентьевский сборник* / под ред. С.В. Кудрявцева. Вып. 1. М., 1996.

1

9 июля 1923 г.

Дорогой мой Мишук!

Вчера отправила тебе открытку с упоминанием двух событий, о которых хочу сейчас говорить: юбилея А.Е.¹ и устройства Игоря в Москве². Дни проходят, и я чувствую, что отчетливость воспоминания о чествовании А.Е. может исчезнуть из моей памяти, хотя впечатление от него навсегда останется жить во мне. Устроили это чествование (по поводу 30-лет<ия> со дня выхода «Царственной книги»³) Платонов⁴ и Романов⁵, пригласив на него всех искренних друзей и почитателей А.Е. Из близких были только его жена и сыновья⁶ и я с Леней⁷. Открыл заседание Платонов, затем говорили многие, всех человек 10–12. Говорил Романов, говорили юристы, предста-

вители от Русского музея, от архивных деятелей, от учеников покойного Лаппо-Данилевского⁸, говорила Добиаш-Рождественская⁹, говорил Ярошевский¹⁰, лучше всего передавший мое впечатление от всего чествования. Он сказал, что чувствовал смущение, идучи на это заседание в честь А.Е., т. к. личность А.Е. меньше всего вязалась для него с представлением о каком-либо юбилее — но что с первых слов ответной Платонову речи А.Е. он устыдился, что не знал заранее, что А.Е. всегда останется самим собой и сумеет внести тот тон простоты, задушевности и дружеской теплоты, какой и было проникнуто все чествование его. Собственно, это было не чествование, а дружеская беседа людей, связанных научным прошлым, пришедших сказать любимому ими товарищу, другу и учителю, как многим они ему обязаны за те дары, которые получили не только от его глубокого ума, но и от всей его чарующей личности. Я никак не ожидала, что найдется так много людей, которые сумеют так умно, сердечно и порой красиво обрисовать облик А.Е., выявить в нем то, что я всегда чувствовала, но никогда не могла бы так красноречиво высказать.

А еще лучше было все то, что он говорил им в ответ. В его ответах была ясная тенденция отклонить от себя преувеличенную, по его мнению, честь научного юбилея. Он свел все дело к взаимным воспоминаниям об общей научной деятельности всех присутствующих. Отвечая Платонову и говоря о том, что он всем обязан платоновской школе, он так увлекся, что С.Ф. <Платонов> поблагодарил его на добром слове, но выразил надежду, «что А.Е. в следующих речах будет помнить, что сегодня юбилей его, а не мой».

А.Е. проводил все время ту мысль, что научных заслуг за ним нет, что все его труды есть плоды его педагогической деятельности, и благодарил Романова, выступившего от лица его учеников, за то, что все они подгоняли и прищипывали его своими высокими требованиями, а временами даже наводили его на новые мысли. Словом, основная черта А.Е. — скромность и скептицизм к себе, проявились как всегда и во всем — в его оценке его 30-летней работы на научном поприще. Очень хорошо подчеркнула это Добиаш-Рождественская в своей необыкновенно искренней и вместе с тем красивой речи. Между прочим, она очень превозносила А.Е. за то, что он далеко не русский историк, а мировой: «Вы, А.Е., явление, которое не скоро повторится в исторической науке». Во всех речах звучало изумление разнообразию его познаний в самых различных областях. На это он ответил воспоминанием о том, как покойный Павлов-Сильванский¹¹ ему сказал: «Ты, А.Е., больше всего любишь говорить о том, чего не знаешь». Из этого ты почувствуешь тон, в каком велось это собеседование людей, желавших убедить юбиляра, что он выдающийся ученый, упорно отказывавшегося от этой чести. И вся эта «пря» проходила в необыкновенно милом, сердечном и задушевном тоне. А.Е. очень много вспоминал из своей карьеры педагога, и чем дальше, тем он выглядел моложе и счастливее. Я просто не могла наглядеться на него, так он был хорош. Отчего, отчего, отчего тебя не было с нами, мой бесконечно родной, любимый мой...

Относительно Игоря я уже в общих чертах сообщила тебе, в чем дело. Приехавший от его лица Зданевич¹² рисовал весьма заманчивую картину будущего Игоря. По его словам, Игорь пользуется большим успехом — как в литературно-художественных кругах левого направления, так и у публики при его эстрадных

выступлениях. По его словам, Игорь обладает способностью чаровать свою аудиторию и овладевает не только ее вниманием, но и симпатией. Мне очень трудно было глубже позондировать этого друга Игоря, во-первых, потому, что его визит был очень краток и ушел на самые необходимые и поверхностные ответы и вопросы, а во-вторых, *«потому»* *«что»* *je ne peu pas les prendre au serieux — ces messieurs là*¹³. Не могу я серьезно говорить об обширной и плодотворной работе людей в области футуризма, который для меня, в лучшем случае, — каприз моды. Должна при этом сейчас же признаться, что вполне признаю за людьми право использовать этот каприз в смысле заработка, но не могу относиться к этому заработку серьезно. Очень буду рада, если Игорь будет иметь достаточно средств, чтобы перевести семью и устроиться по-человечески в Москве, но пока это не будет совершившимся фактом, отношусь к его планам скептически. Дай Бог, чтобы все сложилось, как им хочется, и было хорошо.

Между прочим, у Игоря с Алексеем Александровичем¹⁴ произошел разрыв, *«потому»* что, кажется, по настоянию Л<юбови> Федоровны¹⁵ Игорь перестал там бывать; знаю это со слов Зданевича. Выходит так, что А<лексей> А<лександрович> испугался слишком быстро растущего успеха Игоря. Бог их разберет.

Меня почему-то очень обрадовало известие о соединении Мих<аила> Влад<имировича> с Натальей Дмитриевной¹⁶. Я всегда находила, что это должно было произойти и что это будет хорошая пара. Вспомнился восторженный рассказ Толи¹⁷ о путешествии их (кажется, по Шварцвальду?) в лунные ночи. К Мих<аилу> Влад<имировичу> у меня всегда была слабость, а Н<аталью> Д<митриевну> я всегда считала интересной и хорошей.

31 мая послала письмо тебе, Тане¹⁸ и денежное — Мухе¹⁹. Вчера написала вторично Наде²⁰ в Хосту. Теперь жду от них всех ответов. Восстановление отношений, прерванных на столько времени, всегда волнует и дается нелегко. Такое заочное общение с близкими носит в себе что-то призрачное, нереальное, граничащее с потусторонним бытием, той неудовлетворенностью и все растущей потребностью в личном общении, которая временами так остро ощущается.

Что же должен переживать человек, у которого, как у меня, эти ощущения, дающие так много мучительного счастья, составляют главное содержание жизни? Ты поймешь меня, *«потому»* *«что»* сам должен переживать то же. Дай Бог нам силы, терпенья и покорности нести свой жребий. Мама.

Папка 5. Л. 15–17 об.

¹ Здесь и далее: А.Е., Саня, дядя Саня — Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) — историк, специалист по средневековой истории России. Родной брат М.Е. Ямпольской. Профессор Петербургского / Петроградского университета. Директор Исторического научно-исследовательского института при университете. Член-корреспондент РАН (1920). Тридцатилетний юбилей его научной деятельности отмечался 4 июля 1923 г. в актовом зале Петроградского университета.

² Здесь и далее: Игорь — Игорь Герасимович Терентьев (1882–1937) — поэт, художник, театральный режиссер, педагог, авангардист. Женат на родной сестре М.М. Карповича Наталье (см. примеч. 2 к письму 2). В 1917–1922 гг. жил в Тифлисе с женой и ее отцом — Михаилом Викентьевичем Карповичем (1855–1928), инженером путей сообщения. В середине

апреля 1923 г. приехал из Баку в Москву, сотрудничал в первых двух номерах журнала «ЛЕФ» и в сатирическом журнале «Крысодав». Часть писем И.Г. Терентьева М.М. Карповичу и его матери за 1917–1922 гг. опубликована (см.: [Терентьев 1993]).

³ «Царственная книга, ее состав и происхождение» (СПб., 1893) — дипломная работа А.Е. Преснякова в Петербургском университете, удостоенная 7 февраля 1893 г. золотой медали, первое в его жизни научное исследование.

⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, учитель А.Е. Преснякова, профессор кафедры русской истории Петербургского / Петроградского университета, заведующий Петроградским отделением Главархива (1918–1923), действительный член РАН (1920).

⁵ Романов Борис Александрович (1889–1957) — историк, ученик А.Е. Преснякова. Доцент кафедры русской истории Петербургского / Петроградского университета, сотрудник Петроградского отделения Главархива. Профессор Ленинградского университета (1947). Сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (1944–1957). Подробнее см.: [Панеях 2005].

⁶ Преснякова Юлия Петровна (урожд. Кимонт; 1870–1947) — супруга А.Е. Преснякова. Их сыновья: Евгений (1897–1962) — геолог; Александр (1902–1953) — режиссер; Ярослав (1904–1942) — актер.

⁷ Здесь и далее: Леся — Леонид Александрович Захаров (1888 — 1960-е), педагог. Приемный сын М.Е. Ямпольской. Друг, одноклассник М.М. Карповича по 2-й тифлисской гимназии. В 1906 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в 1907-м перевелся в Петербургский университет и окончил его.

⁸ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — историк. Экстраординарный профессор Петербургского / Петроградского университета. Действительный член Петербургской академии наук (1905).

⁹ Добиаш-Рожественская Ольга Антоновна (1874–1939) — историк-медиевист и палеограф, профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР (1929).

¹⁰ Ярошевский Алексей Георгиевич (1884–1939) — педагог и краевед, ученик скандинависта Г.В. Форстена (1857–1910).

¹¹ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908) — историк, архивист, профессор истории русского права Высших женских курсов в Санкт-Петербурге.

¹² Зданевич Кирилл Михайлович (1892–1969) — художник-авангардист, один из создателей (наряду с И.Г. Терентьевым) футуристической литературной группы «41°» в Тифлисе (1918). Уехав вслед за Терентьевым в Москву, работал вместе с ним в журнале «Крысодав».

¹³ Не могу их воспринимать всерьез — этих господ (*франц.*).

¹⁴ Вероятно, Гвоздев Алексей Александрович (1887–1939) — театровед, театральный критик, литературный критик и педагог.

¹⁵ Лицо не установлено. Возможно — супруга А.А. Гвоздева.

¹⁶ Речь идет о венчании старинных друзей М.М. Карповича — Михаила Владимировича Шика (1887–1937) и Натальи Дми-

Мария Евгеньевна Карпович с детьми Михаилом и Натальей. <Начало 1890-х гг.>. Опубл.: [Карпович 2012]

триевны Шаховской (в замуж. Шаховская-Шик; 1890–1942). М.В. Шик — сотрудник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры (1919), в 1925 рукоположен в диаконы. В 1937 г. расстрелян на Бутовском полигоне. Н.Д. Шаховская — дочь князя Д.И. Шаховского (1861–1939), писательница, автор книг о В.Г. Короленко, И.П. Кулибине и др.

¹⁷ Бергер Анатолий Ксавериевич (1888–1962) — историк античности, преподаватель Московского университета.

¹⁸ Потапова Татьяна Николаевна (1897–1973), будущая жена М.М. Карповича. При его содействии в 1923 г. уехала в США. Ее отец — Николай Потапов — инженер Балашихинской хлопкопрядильной фабрики. Мать — Жанна Михайловна — урожденная Лунн, дочь управляющего Балашихинской хлопкопрядильной фабрики Майкла Лунна (1820–1895).

¹⁹ Возможно, Палибина Мария Николаевна (р. 1896), племянница М.Е. Ямпольской, дочь Николая Николаевича и Надежды Евгеньевны Палибиных (см. ниже, примеч. 20), врач-психиатр. В 1920-е гг. заведующая и главный врач психиатрической больницы, располагавшейся в бывшей усадьбе Бараново-Акатово под Москвой.

²⁰ Здесь и далее: Надя — Надежда Евгеньевна Палибина (урожд. Преснякова, 1865 — после 1936) — родная сестра М.Е. Ямпольской и А.Е. Преснякова. Ее муж Николай Николаевич Палибин — инженер Корпуса путей сообщения, земский начальник 2-го участка Алексинского уезда Тульской губ. Один из издателей с 1903 г. еженедельного журнала «Железнодорожник».

2

24 сентября 1923 г.

Дорогой мой Мишук!

Как давно не было ничего от тебя, мой родной! Я не имею ответа уже на 4 моих письма и одно Ленино. В последнем твоём письме, написанном по возвращении из Williamstown^а, ты ничего о них не упоминаешь. Это обстоятельство остановило меня в писании писем. Сейчас же я пишу, потому что у нас большие новости. 5 дней тому назад Игорь появился у нас, с тем чтобы не возвращаться в Москву, где его дела так сложились, что он решил лучше основаться в Петербурге¹. Наташу с Таней² ждем в ноябре. Надеемся в скором времени получить смежную с нами комнату, и тогда мы все будем размещены вполне прилично. Игорь уже кое с кем тут повидался, получил работу в журнале³, читал лекцию по своей специальности и надеется устроиться тут прочнее, чем в Москве, где все зависит от случайностей и неожиданностей, чем служит примером он сам. У нас темп жизни не такой бурный, зато более надежный.

Приехал Игорь и сразу нас всех полонил. Он как был очарователен, так очаровательным и остался. Только возмужал. То, что я называла его юродством, т. е. его детски наивная простота, которая так меня подкупила в первые 10 дней нашего знакомства, как-то углубилась и осмыслилась и придает всей его личности чарующее впечатление какой-то невозмутимой ясности и доброты. Пишу слова и чувствую, что ничего не сказала. Нельзя словами рассказать впечатление от человека, как и от музыки. Скажу еще, что он умен, очень умен и неопровержимо доказателен. По внешности я нахожу, что он красив, так много содержания в его лице — а главное — спокойствия. Это спокойствие действует на нас с Леной как душевный бальзам, излечивающий наши издерганные нервы.

Только сейчас я вполне поняла значение того, что ты мне написал про Таню <Потапову>, что, когда она будет с тобой, тебе легче будет переносить разлуку с нами. Я чувствую, что Игорь облегчит мне разлуку с тобою, а один Бог знает, как много это в моей жизни значит. Про Наташу <Терентьеву> я сейчас не говорю, потому что не знаю, какая она⁴.

И все прошлое Игоря оказалось совсем не таким, как мы его себе представляли благодаря их молчанию. Он вовсе не был ни легкомысленным, ни *sans scrupules*⁵, как я это думала. Он зарабатывал где только мог и чем только мог⁶. Мне больно вспомнить все то нехорошее, что я думала о нем, и лучше об этом не вспоминать. Для меня такое счастье, что он вошел в нашу жизнь, что не хочется вспоминать старое.

Мы его уже водили к Пресняковым. На беду А.Е. не выспался, устал и был сердитый. Был с ним вежлив, и только. Ю.П.⁷ сказала мне, что он очень милый, а молодежи он, видимо, понравился. Пока это все. Игорь рассказывал мне свои встречи с Таней <Потаповой>, и я пожалела, что она мне ничего не написала о них из <Среды>, т. к. это устранило бы причины моей тревоги о ней и о нем. Жду теперь известий от вас о ее прибытии. Она выехала из Москвы 15-го — значит, будет в Нью-Йорке раньше моего письма. Меня очень порадовало и как-то успокоило то, что Игорь рассказывал об их встречах.

В довершение благополучия сентябрь у нас стоит теплый и в достаточной мере — ясный, так что погода в такт оттаиванью наших обледенелых сердец. Для нас такая новость — чувствовать не боль разлуки, а радость свидания. И разве это не провиденциально, что эту радость мы переживаем одновременно с тобой? И как ты прав, что при известной близости или, вернее, аналогичности душевного склада никакая разлука, ни перемены в судьбе человека не играют ни малейшей роли при встрече. Я приняла Игоря бесспорно, всего целиком, совершенно так же, как это случилось внезапно, по первому взгляду — 9 лет тому назад. И нет между нами ни 9 лет разлуки, ни всего пережитого за это время. Тем более нет сомнения в том, что и он чувствует то же самое.

Сейчас некогда больше писать. Думаю, что «мальчики»⁸ захотят что-нибудь прибавить от себя. Крепко целую тебя и обнимаю вас обоих, если Таня с тобой. Мама.

Папка 5. Л. 34–35 об.

¹ Вероятно, автор имеет в виду разногласия Терентьева, работавшего с апреля 1923 г. в московском журнале «ЛЕФ», с его редактором — В.В. Маяковским.

² Семья И.Г. Терентьева: его жена Наталья Михайловна (урожд. Карпович; 1890–1967), родная сестра М.М. Карповича. Окончила 2-ю тифлисскую гимназию (1906). В 1907–1908 гг. вольнослушательница историко-филологического факультета Московского университета. В 1908–1909 гг. слушательница историко-философского факультета московских Высших женских курсов В.И. Герье (ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620). После 1945 г. работала в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. Таня (1916–2012) — дочь И.Г. Терентьева и Н.М. Карпович, внучка М.Е. Ямпольской, инженер-электрик. Окончила электромеханический факультет Московского энергетического института по специальности «Диэлектрики и полупроводники» (1946). Работала на московском заводе «Изолятор»: инженер в электрофизической лаборатории, начальник цеха высоковольтных высокочастотных конденсаторов. Удостоена Сталинской премии 3-й степени за создание высокочастотных ке-

рамических конденсаторов для правильно-закалочных печей. Затем сотрудник в отделе керамики Московского научно-исследовательского института радиосвязи, разрабатывавшего космическую радиоаппаратуру. Автор книги «Миниатюрные керамические конденсаторы» (М.: Энергия, 1966; в соавт. с П.О. Грибовским) и воспоминаний об отце (см.: [Терентьева 1991; 2007]).

³ Возможно, в художественно-литературно-театральном ленинградском журнале «Жизнь искусства».

⁴ Многие годы дочь М.Е. Ямпольской Наталья жила с отцом.

⁵ Бессовестный (*франц.*).

⁶ С 1916 г. И.Г. Терентьев, женившись на Н.М. Карпович, жил в Тифлисе, читал лекции в литературно-художественном подвале «Фантастический кабачок», печатался в журналах «Курант», «Феникс» и др. Чтобы заработать на жизнь семьи, подрабатывал неквалифицированным трудом. В январе — августе 1922 г. находился в Константинополе, где создал отделение литературной группы «41°», затем вернулся в советскую Россию. В 1923 г. работал секретарем бакинского отделения Внешторга. В апреле того же года приехал в Москву, сотрудничал в журналах «ЛЕФ» и «Крысодав» — об этом уже говорилось в примеч. 2 к письму 1. Подробнее см.: [Из архива Ильи Зданевича 1988; Никольская 2000].

⁷ Жена А.Е. Преснякова.

⁸ Леонид Захаров и Игорь Терентьев.

*Наталья Михайловна и Игорь Герасимович Терентьевы. <1916 г.?.>
Опубл.: [Карпович 2012]*

3

3 декабря 1923 г.

Наконец, дорогой мой Мишук, выбрала время сесть тебе писать. Да и то время позднее — 12-й час ночи. Игорь лежит на диване с газетой, а Леня отсутствует. Мне хочется спать, но еще больше хочется сказать тебе, что я сейчас, т. е. все это время, счастлива, как давно не была. Со времени твоего последнего письма, полученного 5 дней тому назад, я все время так ясно ощущаю то, что произошло с тобой, что вся моя жизнь в данное время окрашена тем же чувством полноты счастья — только не своего, а твоего¹. Никогда не думала, что такие чудеса возможны в нашей психике. И все события нашей повседневной жизни окрашиваются в праздничный цвет. Кстати, и у нас было чему порадоваться. Я наконец реально увидела, что Игорь может выплыть на свет Божий, что, может быть, недалеко время признания его деятельности, научно-художественной, если можно так выразиться, т. к. все его изыскания в области звука и речи скорее похожи на лабораторную работу, чем на

художественное творчество. Были мы на его докладе в Фонотделе², и хотя он был не понят и осыпан нелепейшими возражениями, все же его просили назначить ряд лекций в ближайшем будущем. Занятия его с комсомольцами в Академии художеств идут с большим успехом и дают ему большое удовлетворение³.

На днях у нас был А.Е., слушал доклад Игоря «Отношение Пушкина к заумной поэзии» с большим интересом⁴, и последовавший обмен мнений был очень блестящий. Словом, плывем на всех парусах по морю беспредметного искусства. Игорь все уверяет, что мы доплывем и до вас — но в это я плохо пока верю.

Спасибо тебе, мой родной, за частые письма. Они дали мне возможность самым реальным образом представить себе вашу жизнь, пережить все перипетии вашей встречи и Таниного приезда. Я видела и продолжаю видеть всех вас троих, как в кинематографе. Жаль, что я сейчас чувствую себя очень усталой и должна лечь спать.

4 декабря

Второй источник моего необычайного ощущения полноты жизни — мои отношения с Игорем. То, что он вносит в нашу жизнь, так непривычно мне, и теперь только я ясно стала сознавать, чего мне в ней не хватало — умственного движения. Игорь делится со мной решительно всем, что делает в своей научной работе, и находит, что я очень способная ученица. Но вернее то, что он прекрасный педагог. Он марксист и убежденнейший коммунист, почему и считает, что искусство, новое, или, как он называет, пролетарское, не может питаться старыми пережитками буржуазного строя, а должно строиться на новой, чисто матерьялистической и социальной базе. Что можно против этого возразить? Он не отрицает значительности старого искусства, но находит, что ему сейчас нет места в нашей жизни, что оно не нужно нам. В то время как в области техники и механики сделан такой изумительный шаг вперед, не может искусство топтаться на одном месте и пережевывать старые традиции, не может стоять вне совершающейся мировой революции. Оно должно быть революционно, чтобы быть жизненно. Игорь насыщен действительностью. Он весь — устремление вперед. И я не могу не верить в его правоту, не могу не верить, что он на правильном пути в своей работе, которой предстоит громадная будущность. И это для меня большое счастье, потому что иначе совместная наша жизнь была бы невозможна, т. к. Игорь сейчас — это та работа, которой он отдается весь без остатка. Он не живет, а мыслит, а жить около такого человека и не понимать его, не принимать хоть маленькое участие в его умственной жизни было бы мне очень тяжело. И я начинаю теплиться в то время, как он пылает. Вот тот свет, которым озарено ваше счастье, и та лучистая теплота, которая исходит от ума Игоря, и дают мне сейчас полноту ощущения жизни. Странно в 56 лет, не правда ли? Но нет чуда, которое не совершалось бы на земле.

Недавно получила неожиданное и очень ценное художественное впечатление. Мы были на *lieder Abend*⁵ Мозжухина⁶. Попали туда случайно, и шла я с большим предубеждением, т. к. не верю, чтобы оперный певец, бас мог быть на высоте такой задачи, как занимать целый вечер своим пеньем публику. И ушла очаро-

ванная, и буду всегда ходить слушать Мозжухина в концертах. В опере он сейчас не поет. Он в области Lied⁷ — действительно мастерзингер⁸. Вспомнила незабвенные времена оленинских концертов⁹. Программа была рассчитана на определенную аудиторию, и меня мало утешила. Чайковский, Рахманинов, Гречанинов и т. д. На бис была «Клевета» из «Севильского <цирюльника>», Шуберт, «Колыбельная» песнь Моцарта, три комические вещи Даргомыжского. И все выше похвал. Через день был концерт из произведений Мусоргского, Бородина и Римского, а я, к своему огорчению, не могла пойти, п<отому> ч<то>, к своему же стыду, умудрилась угореть! Меня возмущает некультурность этого занятия. Пролежала сутки, плохо сознавая окружающее и кляня свою неудачу.

Если это письмо удачно попадет к вам, то вы его получите на Рождественских праздниках. Будет ли у нас в это время Наташа <Терентьева>, еще не решено. Думаю, что нет, и даже больше скажу, что нахожу, что теперь, когда дело так затянулось и зима наступила, лучше бы было отложить этот переезд Наташи и Тани <Терентьевых> до весны. К этому времени, я надеюсь, и положение Игоря настолько выяснится, что он сможет взять на себя расходы по переезду. Сейчас, хотя его выступления понемногу начинают оплачиваться, но пока этого хватает только на папиросы и табак. Но зато его занятия в Академии художеств, хотя и бесплатные, дают ему громадное удовлетворение. Он говорит, что только эта коммунистическая молодежь его понимает и горит тем же устремлением вперед.

Ну, будет на сегодня. Утро прошло, кругом началась дневная суeta и шум, и я не могу сосредоточиться. Леня сейчас в отпуску и гремит у меня под ухом «Пиковую даму»¹⁰, а Игорь ее терзает вокально.

Целую всех твоих и тебя крепко и желаю вам A Merry Christmas!¹¹

Думаю, что эти пожелания, пожалуй, лишни, т. к. успех вашего Christmas неосомненен.

Еще раз всех целую за себя и моих мальчиков. Спасибо за 30 долл<аров>. Получила я их очень поздно в ноябре — всего 26-го. Деньги же из Германии до сих пор не приходили, и вряд ли их сюда можно переслать во франках, т. к. они здесь вряд ли имеются. Нам из всех стран присылают доллары и фунты. Других валют нет. Ну, да это видно будет. Пожалуй, что 20 дол<ларов>, переведенные сюда во франках, очень обесценятся.

Папка 5. Л. 42–45 об.

¹ Имеется в виду свадьба М.М. Карповича с Т.Н. Потаповой, которая состоялась 4 ноября 1923 г. в США.

² С начала сентября 1923 г. И.Г. Терентьев руководил фонологическим отделом Музея художественной культуры (в 1925 г. преобразован в Государственный институт художественной культуры).

³ И.Г. Терентьев читал комсомольцам Академии художеств лекции по искусству. В ноябре 1923 г. он поставил с ними спектакль, посвященный шестой годовщине советской власти, а также пьесу по своему «Трактату о сплошном неприличии» (Тифлис, 1920).

⁴ Доклад «Мнение А.С. Пушкина о заумной поэзии (по документальным данным)» состоялся 26 ноября 1923 г. в Петроградском обществе по изучению и спасению городских памятников «Старый Петербург» (см.: Жизнь искусства. 1923. № 46. С. 26).

⁵ Песенный концерт (*нем.*).

⁶ Мозжухин Александр Ильич (1878–1952) — русский певец (бас). С 1912 г. солист Театра музыкальной драмы в Петербурге. С 1920 г. выступал преимущественно как концертный певец. Инициатор создания в Петрограде музыкального общества «Кружок друзей камерной музыки» (1922). С 1926 г. в эмиграции во Франции. Выступал в Русской опере в Париже. Член правления Российского музыкального общества за границей. С конца октября по начало декабря 1923 г. А.И. Мозжухин со своей супругой пианисткой Клеопатрой Андреевной Мозжухиной (1888–1974; сценическое имя Клео Карини) дал в «Кружке друзей камерной музыки» десять концертов, где исполнял произведения П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова и др. 15 ноября он спел «Колыбельную» В.А. Моцарта, песни Р. Шумана и Ф. Шуберта. 18 ноября представил программу из песен и романсов М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова и др. (см.: Жизнь искусства. 1923. № 43. С. 30, 31; № 44. С. 46; № 45. С. 39, 40; № 47. С. 11, 39; № 48. С. 38; Красная газета. Веч. выпуск. 1923. № 268 (10 ноября). С. 3).

⁷ Песня (*нем.*).

⁸ Нем. Meistersinger — мастер-певец.

⁹ Концерты Марины Алексеевны Олениной-д'Альгейм (1869–1970) — русской камерной певицы.

¹⁰ Опера П.И. Чайковского.

¹¹ Счастливого Рождества (*англ.*).

4

3 февраля 1924 г.

Дорогой мой!

Это письмо — не письмо, а приложение к письму Игоря. На большое письмо у меня времени не хватит. Два ваших письма — твое от 2 января и Володино¹ от 9-го создали атмосферу большой к вам близости, и я под таким настроением решила сейчас же сесть отвечать, но, как всегда бывает, не села, и момент был утрачен.

О том, что ты пишешь про занятия Игоря, я сейчас не стану говорить — как-то нет охоты. Приглядевшись и к Игорю, и к его «делу», я во многом разобралась и, конечно, вижу недостатки и в том, и другом. На днях был у нас А.Е. и говорил по тому же поводу. Много он находит необоснованным, многое не столь новым, как кажется нашим новаторам. И у Марра², и у Бодуэна³ есть многое, схожее с ними. Одно только хочу сказать тебе, что я вовсе не отрицаю, что искусство старое, настоящее, выше того, что производит их лаборатория. Но не могу не согласиться, что всякая эпоха отражается по-своему в искусстве, а следовательно, и наша революционная эпоха имеет право на проявление в искусстве новыми приемами. Пусть они уродливы, пусть нам с тобой ничего не говорят, но право на существование имеют, а это-то право Игорь и стремится завоевать. Скажу еще, что я давно убеждаю Игоря бросить марку «искусство» и найти более подходящее название для своей работы. Это такое же искусство, как сапожное, портняжное или кулинарное. Искусство, имеющее дело с математикой, физикой, химией — надо назвать наукой о наилучшем использовании 5 чувств человека. Неужели же

супрематизм или кубизм — живопись? Что же живое он живописует? Так и слово, расчлененное, подвергнутое химическому анализу, не годится для того, что называется поэзией. Это слово к нам, т. е. нашему быту, неприменимо. Недаром же, по Игорю, лиризм — недопустимая вещь.

Не знаю, поймешь ли ты меня. Из последнего твоего письма у меня создалось впечатление, что мы с тобой стали опять на разные точки, как было, помнишь, в <1>905–<190>7 годах. Не можете вы, не пережившие той механизации жизни, какой подверглись мы, вполне понять нас. Одни восприняли эту механизацию как нечто желательное и нужное (Игорь и ему подобные), другие — со страданием и по необходимости. Игорь говорит про себя, что он «насыщен действительностью» (я бы сказала, перенасыщен), я же, как и всегда было, живу больше нереальным миром, чем реальным, но поневоле много восприняла из окружающей меня атмосферы. И ты, и Игорь мне одинаково понятны. Но, как это ни странно, ты для меня живешь в Старом Свете, а он — в Новом. Когда я читаю о вашем мирном, комфортабельном житье, о вашем диккенсовском Рождестве со сверчком, plum-pudding⁴ и гусем — я радуюсь, что самые дорогие мне существа живут в Аркадии⁵. Не знаю, представляешь ли ты себе контраст картины вашей жизни с нашей. С величайшим интересом узнала из Володиного письма, что ты очень изменился, что у тебя спортивные манеры, ты куришь, едешь верхом, правишь автомобилем, танцуешь фокстрот и очень элегантен. Большого удовольствия, чем этим сообщением, Володя не мог мне доставить. Хорошо еще то, что он нашел Таню <Потапову> поздоровевшей. God bless you, my dears! Be as much happy as you can and do not forget your old and loving Mother⁶.

Наш город переименован в Ленинград⁷, не забудь, когда будешь писать.

P.S. Все забываю тебя попросить прислать мне лишних 5 долл<аров>, когда сможешь. У меня долг на эту сумму, и я никак не могу его уплатить.

Папка 6. Л. 3–4 об.

¹ Здесь и далее: Володя — Владимир Герасимович Терентьев (1894–1968) — родной брат И.Г. Терентьева. Участник Белого движения. Эвакуирован в Константинополь, с 1923 г. жил в США. Тренер по лаун-теннису.

² Марр Николай Яковлевич (1864/65–1934) — языковед, кавказовед-филолог, историк, этнограф и археолог. Действительный член Петербургской академии наук (1912). Создатель «нового учения о языке» (или яфетической теории).

³ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) — языковед, основоположник фонологии. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1897).

⁴ Рождественский пудинг (англ.).

⁵ Аркадия — историческая область Древней Греции, ставшая поэтическим образом места счастливой и беззаботной жизни.

⁶ Благослови Вас, Господь, мои дорогие! Будьте настолько счастливы, насколько можете, и не забывайте Вашу старую и любящую мать (англ.).

⁷ Петроград стал носить название Ленинград с 26 января 1924 г., после смерти В.И. Ленина.

23 сентября 1924 г.

Мой дорогой Мишук!

Я очень виновата перед тобой, мой голубчик. Обещала сейчас же написать по приезде Наташи <Терентьевой> открытку, а она у нас уже 5 дней, а я еще тебе не написала. Произошло это не от суеты, вызванной приездом, а от того, что я на другой же день захворала жесточайшим приступом не то ревматизма, не то подагры в ногах и вынуждена была лежать. Лечусь гомеопатией, и сегодня мне уже лучше, но все же я себя очень неважно чувствую, тем более что моя беспомощность внесла полный разлад в мое хозяйство, что меня очень раздражает. Наташа очень беспомощна в этом отношении, да и состояние ее здоровья препятствует ей выполнять такую тяжелую физическую работу. Только в эти дни вынужденного бездействия я поняла, какой это громадный труд для непривычного человека. Я втягивалась в него годами и выработала себе уже известную систему и сноровку. Знаю, что можно успеть сделать и чего нельзя, что существенно и что нет, без чего невозможно вести это дело.

При первом взгляде Наташа показалась мне очень изменившейся — постаревшей. Теперь я уже привыкла к перемене в ее лице и вижу ее прежнее лицо. Словом, произошло то же, что с Володей по отношению к тебе. Сейчас я вижу в ней все ту же худенькую, хворую девочку, такую же неопытную и нелепую в житейских делах, какой она была 10 лет тому назад. Лучше жены себе под пару Игорь не мог выбрать. Наташа прежде всего человек слабый и требующий совершенно особого режима для того, чтобы не хворать. Таня такой же экзотический цветок. Дрожат они над ней все время, а между тем все трое ведут совершенно неподходящий по своей неряшливости и неопределенности образ жизни. Это типичнейшая «богема», очень интеллигентная, с большими духовными запросами, но совершенно не вкладывающаяся в какой-либо, мало-мальски упорядоченный образ жизни. Никаких часов для еды, никакого пищевого режима не существует. Едят весь день что попало и как попало, исчезают и появляются в самое неожиданное время, причем Танино питание состоит главным образом из яблок, молока и сыру. Я совершенно бессильна бороться с таким положением вещей. Не могу, да и не хочу. Всякий должен жить своим умом и как ему хочется. И так уж наши с первых дней решили, что нам тесно, что они нас стесняют, и Игорь взял-таки 2 комнаты в смежной с нами квартире¹ за 25 руб. в месяц. И как это ни странно, я рада этому. Я теперь часто чувствую себя скверно, нервы у меня не в порядке, и я мечтаю о тишине.

25 сентября

Письмо мое было прервано совершенно неожиданным событием — наводнением. Наша Фонтанка вышла из берегов, и в течение 2–3 часов поднялась до первого этажа. Произошла всеобщая паника, погасло электричество, и писать я не смогла. К 12 ч. ночи вода уже сошла, но бед натворила массу до того, что на Невском смыла все торцы. Сидим уже 2 дня без воды и без света и не знаем, когда это положение

изменится. Вчера была ясная и тихая погода, а сегодня ветер опять дует с моря, и можно опасаться повторенья наводнения. И так уж убытки города колоссальные.

Ты спрашиваешь, как дела у Игоря и как он поживает. И то и другое было прекрасно до нашей аварии. Теперь же не знаем, чего ждать. Их Красный театр² — дело общественное, а общественные силы теперь все будут направлены на исправление беды. Где уж тут думать о театре? Вероятно, не будет средств на его ведение. Игорь очень удручен происшедшим. Вообще, мы все в тревожном состоянии. Будем надеяться, что все образуется, а все-таки невольно приходит в голову мысль, что над Игорем и всеми его начинаниями тяготеет какой-то злой рок. Я становлюсь суеверной.

Наверное, ты хочешь знать мое впечатление от Тани. Она очень балованный, но милый ребенок, и избалованность ее выражается в очень мягких формах. Больше нет времени писать. Мы с Наташей очень поглощены хозяйством.

Целую всегда за нас всех. Мама.

Папка 6. Л. 41–42 об.

¹ Терентьевы поселились по адресу: Набережная реки Фонтанки, д. 165, кв. 9.

² Красный театр основан в сентябре 1924 г. в Ленинграде И.Г. Терентьевым и группой руководителей рабочей самодеятельности, чтобы представлять «рабочему зрителю» пьесы, посвященные актуальным событиям и революционной пропаганде. Театр прекратил свою деятельность летом 1925 г. из-за отсутствия денежных средств.

6

5 ноября 1924 г.

Вчера, дорогой мой Мишук, мы смотрели «Джона Рида»¹. Это действительно замечательная вещь — замечательная тем, что, несмотря на свою политическую программность, она нетенденциозна, искренняя и проста — проста, как все истинно художественные произведения. Она глубоко человечна и волнует даже вполне политически безразличного зрителя. Впечатление от «Джона Рида» было для меня несколько неожиданным. Я ждала чего-то более грандиозного, чего-то более блестящего — а то, что получила, гораздо глубже и ценнее. Я не сумею передать дух, которым пропитана эта вещь. Это искреннее, глубоко прочувствованное переживание Джоном Ридом нашей Октябрьской революции, вылившееся в его книге «Десять дней, потрясшие мир», переданное с необыкновенно тонким художественным мастерством нашим необыкновенно одаренным Игорем. Помог ему в этом прекрасный Джон Рид — Азанчеев². В газетах выходит рецензия за рецензией — все хвалебного свойства, главным образом по адресу Красного театра, который признается первым, настоящим революционным театром, ставшим на новый правильный путь. Предвещают ему блестящую будущность и уже переводят в бывшую Музыкальную драму, т. к. здесь помещение малое и не даст ему

вовсю развернуться³. Для меня нет сомнения, что всех этих результатов Красный театр достиг благодаря «Джону Риду», т. е. Игорю. Посмотрим, что дадут постановки других режиссеров этого театра, где их 5 или 6 человек. Реально победа Игоря выразилась тем, что он уже получил по ордеру новые, прекрасные сапоги и 5 червонцев, а на днях получит еще денег за своего «Дж<она> Рида», которого будет печатать Госиздат⁴. По ордерам же заказывает себе платье и шубу.

Но если бы ты видел, во что он превратился! Жутко на него смотреть. Наташа <Терентьева> тоже неважно выглядит. Октябрь месяц был для нас очень тяжелый. Мы поистратились на переезд, а доллары за октябрь еще не пришли, хотя я последние месяцы получала всегда в последних числах — 28–30. Ну, теперь, когда Красный театр на ходу, нам полегчает. Пока это письмо дойдет до тебя, мы, вероятно, выплывем — и не такие виды видывали и остались целы. Я лично не страдаю от облегченного типа питания. Бросили мы с Леней есть мясо — и мне, и ему это вредно. Если бы не мои ноги, которые стали у меня побаливать, я бы хорошо себя чувствовала, лучше, во всяком случае, чем последнее время на Фонтанке. Наслаждаюсь здесь одиночеством и тишиной, т. к. весь день одна в квартире. Плохо я стала выносить суетню и беготню вокруг себя.

Только что получила твое письмецо от 6 сентября. Весьма возможно, что я не писала тебе с 5 июня по 1 августа. Забыла тебе написать, что получили 18 и 19-го твои письма. Леня вряд ли тебе скоро напишет, во 1) <потому> <что> совсем забросил свои занятия, и за все лето ничего не делал, и, во 2) потому что его надежды на Наташин приезд не оправдались. Она ему не товарищ. Вся ее жизнь уходит на Таню, которая требует непрерывного внимания (новый и весьма нерациональный метод воспитания), и на ее чувство к Игорю. Зная Леничку, ты поймешь, как трудно ему примириться с таким положением. Игоря мы по-прежнему не видим или видим только утром. Не знаю, как захотят устроиться наши, будут ли они с утра питаться у нас. Обедать, конечно, будут, но остальное время, может быть, будут хозяйничать у себя при помощи керосинки. Надо кончать письмо, чтобы оно хоть сегодня пошло. Тяну его уже 3 дня.

Крепко тебя обнимаю, мой родной.

Наташа обещает тебе скоро написать.

Папка 6. Л. 54–55 об.

¹ Осенью 1924 И.Г. Терентьев написал пьесу «Джон Рид» по книге американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», изданной в СССР годом ранее (М.: Красная новь, 1923). Премьера постановки состоялась 24 октября 1924 г. на сцене Красного театра.

² Мичурин Владимир Михайлович (по сцене Азанчеев; ум. 1932), артист, сыгравший Джона Рида в спектакле И.Г. Терентьева.

³ Первоначально Красный театр располагался в Клубе советских торговых служащих на Невском проспекте, затем переместился в бывший Театр музыкальной драмы, занимавший Большой зал Консерватории на Театральной площади.

⁴ Пьеса И.Г. Терентьева «Джон Рид» будет опубликована Государственным издательством РСФСР в 1927 г.

Тифлис. 21 апреля 1927 г.

Дорогой мой Мишук!

С того дня, как я получила от тебя сверхрадостную весть о твоём оставлении в Harwardском университете¹, я ежедневно стремилась написать тебе о том, как эта весть меня осчастливила, но тут как раз промелькнула надежда на возможность получения комнаты, и я все ждала окончания этого дела, чтобы тоже тебя порадовать, но увы! надежда эта нас обманула, жилец, долженствовавший уехать, остался на месте, и мы тоже. Это, конечно, большое разочарование, так же как и холодная весна, на которую я меньше всего рассчитывала, собираясь в Тифлис. Весь апрель дуют холодные ветры и льют дожди, за исключением нескольких ясных и теплых дней. Как будто и на юг не похоже. А тут еще самое тяжкое из всех разочарований — убийственный отчет о «Ревизоре» Терентьева², написанный таким серьезным человеком, как Пиотровский³, который в начале режиссерской карьеры Игоря возлагал на него большие надежды. И во что эти надежды превратились, если ему приходится ставить в обвинение Игорю его «дешевый натурализм»? Я посылаю тебе этот отзыв, чтобы ты сам мог судить о той печали, которая охватила меня при мысли, к чему пришел наш одаренный Игорь после трех лет режиссерской работы. Мы читали этот отзыв вместе с Мишей <Калашниковым>⁴ и чуть не плакали от чувства горькой обиды за то, чем кончились все наши ожидания. Ведь это сплошное фиглярство и пошлость...

А сегодня в нашей «Вечерней Красной» очень умная статья, подписанная «Литератором», где среди жалоб на неурядицы и безвкусицу Дома печати вообще говорится следующее: «А за последнее время сюда присоединилась эта грустная балаганщина, для которой смекалистые люди придумали ходкое ныне название “Ревизор”. Не будем говорить об этом новом эстетическом ударе по Дому печати, он тоже влетел в тысячи»⁵.

Статья не хлесткая, а серьезная, и выражение «эстетический удар» очень точно передает и мое впечатление от того, что передает из этого спектакля Пиотровский. Мне очень трудно переварить полученный удар и найти какое-нибудь утешение. У меня такое чувство, точно от Игоря больше нечего ждать. Я написала Сане <Преснякову>, прося написать мне его впечатление, это единственный очевидец, которому я безусловно поверю. Сама я не вижу никакого просвета. Мне так досадно, что все обстоятельства, как назло, сложились так, чтобы заставить потускнеть ту радость, какой я была полна по поводу твоей, мой родной Мишук, удачи. Как всегда, мысль о твоём счастье светит мне, как маяк среди ненастья.

Ленины дела понемногу двигаются вперед в том смысле, что ему подваливают работу. Дали еще вечерний курс с малограмотными на кожевенном заводе в Артачалах. Все его занятия, считая и комиссию, занимают у него до 10 ч. в день и дают 78 р. в месяц⁶, но все это кончится к июлю, когда мы надеемся уехать на дачу, вернее всего в Кикеты. При этом поднимается вопрос, как организовать получение от тебя денег на июль и август. Не смог ли бы ты выслать июльские деньги в конце мая, тогда мы успеем их получить до отъезда? Вообще же на июль, август

и сентябрь высылай, пожалуйста, на Ленино имя по нашему теперешнему адресу. Ему легче приехать с дачи за их получением, чем мне.

Меня еще беспокоит мысль, получил ли ты мои 2 последних письма, которые я нелепо адресовала, написав Kembridge вместо Cambridge, так мне, по крайней мере, кажется. В Америке такой формализм, что они могли не дойти.

«Ревизор» шел 9-го и с тех пор до 15-го шел ежедневно. От Наташи <Терентьевой> я пока не имею отзыва об этом событии. Я уже писала дяде Сане по поводу твоего водворения на будущий учебный год в Кембридже и послала ему твое письмо с этим известием. Пусть порадуетесь с нами.

Пасха у нас мрачная. Дует циклон третий день, и я сижу на галерее в драповом пальто. Не хочется даже браться за праздничные приготовления. У меня за последние годы особенно резко развилась солидарность с природой, и я не могу чувствовать праздник, когда его нет в природе. Впрочем, сырную пасху я сделаю, а кулич мне спечет Леля⁷. Ну, а у вас, наверно, все честь честью? Очень рада за вас, мои дорогие. Будьте здоровы и счастливы. Мама.

Папка № 3. Л. 21–23 об.

¹ В 1927 г. М.М. Карпович был приглашен в Гарвардский университет в качестве преподавателя русской истории. Его преподавательская и научная деятельность продолжалась в этом университете 30 лет.

² Премьера комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в постановке И.Г. Терентьева состоялась 9 апреля 1927 г. в помещении созданного им в начале 1926 г. экспериментального театра Дома печати в Шуваловском дворце на Фонтанке.

³ Пиотровский Адриан Иванович (1898–1937) — драматург, критик и театровед, поэт, переводчик. Обсуждаемую рецензию см.: *Пиотровский А.И.* «Ревизор» в Театре Дома печати // Красная газета (веч. выпуск). 1927. 11 апреля. С. 6. Убийственные оценки спектаклю дали и другие критики, см.: *Хвостов И.* Дрессированные крысы // Афиши Дома печати. 1928. 1 января. С. 13–15; *Гессен Д.* О нужнике городничего и нужен ли нам терентьевский «Ревизор» // Смена. 1927. 26 апреля. № 77. С. 4; *Павдо М.* Фельетон о «Ревизоре» // Рабочий и театр. 1927. № 18. С. 8–11; *Березарк И.* Мейерхольдовское «наследие» в ленинградских театрах // Театр. 1938. № 3. С. 114; *Гвоздев А.* Классики наизнанку // Правда. 1927. 29 мая. С. 6 и др. В защиту спектакля давалось очень мало голосов, например О. Давыдов нашел положительным «переосмысление» Терентьева, его «новый социальный и художественный анализ» текста Н.В. Гоголя. По его мнению, режиссер «раздвинул рамки историчности и быта» и дал «правильную» социальную трактовку «Ревизора» (*Давыдов О.* О «Ревизоре» в Доме печати // Красная газета (веч. выпуск). 1927. 16 апреля. С. 4).

⁴ Калашников Михаил Георгиевич (1886–1969) — двоюродный брат М.М. Карповича, архитектор, заслуженный деятель искусств Грузии (1947), с 1957 г. жил в Москве. Автор воспоминаний «Минувшее» (см.: [Калашников 2005; 2006]).

⁵ Красная газета. 1927. 21 апреля. С. 4. Возможно, под псевдонимом Литератор скрывался писатель Б.А. Лавренев (1891–1959), обвинивший И.Г. Терентьева в «балаганщине» и растрате средств и в другой своей статье: «Второе пришествие Хлестакова (Ревизор в Доме печати)» // Красная газета. 1927. 14 апреля. С. 2.

⁶ С марта 1927 г. Л.А. Захаров работал в тифлисской Комиссии по выработке программы по борьбе с неграмотностью.

⁷ Возможно, сестра М.Г. Калашникова Людмила.

2 ноября 1929 г.

Дорогой мой Мишук!

Сегодня получила твое письмо от 16-го, каким-то чудом дошедшее до меня на 16-й день. Как могло это случиться? После смерти А.Е. прошло больше месяца¹, и я подумала, что тебе дали знать о ней телеграммой, а между тем весть эта дошла до тебя иным путем.

Вчера я получила от Юли² письмо с подробностями его смерти и похорон. Вернувшись из Павловска к 1 сентября, он стал себя все хуже и хуже чувствовать, худел и слабел, но был на ногах, читал и всем интересовался. За неделю до смерти начались кровотечения изо рта, и доктор предупредил Юлю о приближении рокового исхода, т. к. язва на языке быстро увеличивалась. Есть он уже не мог. 28-го было очень сильное кровотечение, он ослаб и, видимо, понял, что конец пришел. 26-го приехал Гутик³ из командировки, Саня его все последнее время ждал и еще смог с ним поговорить. А 30-го в 5 ч. 30 вечера его уже не стало.

В тот день была панихида, а на другой — гроб увезли в универ<ситет>⁴, где он стоял в актовом зале, и при нем почетный караул из професс<оров>, студентов и бывших сослуживцев Сани по Главархиву. Были гражданские панихиды с речами, и играл студенческий оркестр. Похоронен он в Александро-Невской лавре⁵, там же его дети, 2 мальчика, умершие в раннем детстве⁶. Юля прислала мне его чудесную карточку, снятую до болезни в 28 году, и затем снимки актового зала с караулом, вынос тела, шествия к Лавре и открытие гроба на могиле, где он лежит совершенно неузнаваемый. В его лице не осталось ни одной знакомой черты, до того оно исхудало и как бы ссохлось. Если бы он выглядел как твой отец или дедушка, я бы прислала тебе этот снимок. А таким не надо сохранять его в памяти — лицо совершенно чужое и незнакомое. Я также не могу его принять, как не могу реально понять факт его исчезновения из нашей жизни. Юля тоже пишет: «Мне не верится, что Сани нет, и примириться с этим я не могу, а впрочем, надо дать Славе⁷ еще доучиться...»

То чувство, о котором ты говоришь, чувство сожаления о пробеле в отношениях с дядей Саней, было у меня всегда и при его жизни. Всегда чувствовалось, что надо взять от этого человека гораздо больше, и всегда мешала его сдержанность, нелюбовь к психологическому копанию как в себе, так и в других и его целомудренная скромность. В общении с ним его личность сама излучала что-то необыкновенно ценное без его участия. Мне лично просто было довольно посидеть в его присутствии, чтобы получить нравственное удовлетворение. И зато какое было наслаждение, когда попадешь к нему в хорошую минуту, и он дает заглянуть в сокровищницу его ума и души. Никого никогда я не ценила так высоко, как его, и ни от чего не страдала так, как страдаю от его ухода из жизни. Зачем, зачем это случилось?

На снимках у его гроба стоят рядом Юля, Серг<ей> Ал<ександрович>⁸ и Гутик, и у всех троих лица полны такой скорби, что больно на них смотреть. Они

прямо подавлены горем, и как я их понимаю. Они имели счастье стоять так близко к нему, как никто из нас. Что же они потеряли, если в нашей жизни его уход оставил такую ничем не заполнимую пустоту. Ведь он расточал на них те сокровища, которых тщетно добивались мы, они были с ним в ежедневном общении. Как смогут они теперь жить без него? Юля этого не может понять, и ей жутко вернуться в жизнь, из которой она ушла на 1 ½ года по болезни. Я так ее понимаю. У меня сейчас тоже страх перед жизнью со всеми ужасами, в ней таящимися. Несчастный Серг<ей> Ал<ександрович>, похоронив друга, какого у него никогда не было и больше не будет, получил новый удар: в Харькове погиб трагически его сын Володя 20 октября. Его сбил с ног трамвай, и он разбил череп о столб. Смерть была мгновенная, вероятно, ему было лет 35, и он был на прекрасной дороге. Кому это нужно? Кто играет с людьми в жестокую чудовищную шутку, называемую жизнь? Пусть ответят мне на это верующие люди, молящиеся Всемогущему Милосердному Богу. Если жизнь измышление разума, то оно чудовищно. Другого мировосприятия у меня нет и не будет до конца жизни. Мученическая смерть такого человека, как Саня, должна привести к отрицанию какой бы то ни было гармонии настоящей или грядущей. Меня страшно тянет сейчас на Надеждинскую⁹, к его семье, на его могилу. Пожить воспоминаниями о нем — здесь у меня тоже никого нет, с кем делить горе. Леня очень удручен, но и очень занят, да я при нем и не могу дать себе волю. Потом ты знаешь, как скуп он на слова и выражения чувств. И очень занят — я мало его вижу. Математика требует усиленных занятий, а кроме того, т. к. ему не повезло со школой пов<ышенного> типа¹⁰, где он рассчитывал получать 40 руб., а вместо того ее закрыли, а в Трудшколе он получает за вычетами на заем индуст<риальный> и союз<ный> — 70 руб., ему пришлось взять занятия в школе малограмотности по вечерам. Значит, 4 раза в неделю он занят с 12 ч. дня до 8 — с перерывом на обед. Да и Леничка нервный и мало экспансивный человек, нечего ему еще портить жизнь моим горем. И так он слишком часто видит мое заплаканное лицо.

Итак, Мишук: нет нашего дяди Сани и больше никогда не будет. Надо сжиться с этой мыслью, хотя с фактом примириться нельзя.

Крепко обнимаю тебя, мой родной, и также клянусь разделяющее нас расстояние, как и ты. Мама.

Папка 3. Л. 180–183 об.

¹ А.Е. Пресняков скончался 30 сентября 1929 г. от рака языка.

² Жена А.Е. Преснякова.

³ Сын А.Е. Преснякова Евгений (1897–1962), геолог. В 1926 г. окончил Ленинградский горный институт, в 1932–1937 гг. заведовал кафедрой геологии Иркутского университета, в 1944–1952 гг. — заведующий кафедрой геологии и декан горного факультета Дальневосточного политехнического института во Владивостоке.

⁴ Подробнее см.: [Артизов 1996].

⁵ На Никольском участке Александро-Невской лавры.

⁶ Пресняков Петр (Путик) (1896–1897) и Пресняков Вениамин (Бэнусь) (1900–1903).

⁷ Сын А.Е. Преснякова Ярослав.

⁸ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) — друг А.Е. Преснякова, историк, литературный критик, журналист.

⁹ А.Е. Пресняков жил с семьей на ул. Надеждинской, дом 11, квартира 20.

¹⁰ Школа повышенного типа с четырехгодичным курсом, окончание которой давало право на поступление в высшее учебное заведение.

9

5 мая 1930 г.

Дорогой мой Мишук!

Давно не писала тебе, точно не помню когда, но, наверное, больше месяца тому назад, <потому> <то> знаю, что не писала тебе про болезнь Лени, а он хворал с 4-го марта. Схватил ангину (вероятно, в своей школе) и просидел 10 дней дома. Лечил его наш районный врач очень толково, и последствий, т. е. осложнений, очень часто теперь сопровождающих ангину, не было. Эти десять дней и мне не прошли даром, <потому> <то> пришлось, кроме очередной работы, бегать и в Стражассу, и во врачебный пункт, и в аптеку. Пишу я теперь редко и лениво, <потому> <то> очень устаю, т. к. мои обязанности домработницы осложнились за последний месяц тем, что я сама готовлю, вместо того чтобы брать готовый обед, как делала это всю зиму. Недалеко от нас была прекрасная столовая, где давали очень добросовестные и вкусные обеды. Она закрылась за неимением продуктов, а все остальные так отвратительно кормят, что есть нельзя. Приходится самой готовить, а т. к. с продуктами трудно, то надо и побегать, и постоять в очереди. Это очень осложняет жизнь, <потому> <то> не хватает времени ни на что другое, а между тем остается и уборка, и стирка, и штопка и пр. К концу дня я — выжатый лимон и валюсь спать в 10 ч.

Конечно, нигде не бываю и ничем не интересуюсь. Впрочем, 2 раза получила редкое удовольствие от 2 квартетных вечеров нашего госквартета¹. Это очень хорошо сыгранный квартет четырех хороших музыкантов с хорошими инструментами. Слушали кв<артеты> Бетховена, Моцарта, Грига, Шумана и Глазунова. Во втором <отделении> Даниэлян (Наташина учительница пенья)², окончившая Петерб<ургскую> консерв<аторию>, пела романсы Глазунова необыкновенно художественно и тонко, причем у нее, кроме большого мастерства, прекрасный голос. Эти 2 вечера были на редкость удачны, в особенности для Тифлиса, где так мало хорошей камерной музыки, которая тут не в почете. Весь beau monde³, существующий у нас рассудку вопреки, наперекор социальному строю — валит валом в оперу, где все скверно, кроме приезжих гастролеров, на которых берут билеты с боя, а самих гастролеров, как, например, гостящего сейчас у нас Козловского⁴, дамы волокут на руках до гостиницы. В этом повальном сумасшествии участвуют — увы! — и дамы Калашниковы, сидящие в данную минуту в театре, где идет «Дубровский»!!!⁵ Даже Танечку <Терентьеву> прихватили с собой. Она бывает у нас ежедневно, <потому> <то> занимается с Леной математикой и рус-

ским языком. На последний я бываю приглашаема на консультацию. Так, сегодня мы втроем писали сочинение о Хаджи Мурате, причем моя редакция получила первенство. Недавно Таню подвергли испытанию по русскому языку, которое она выдержала, не сделав ни одной ошибки в диктанте. Она девочка способная, но страшно рассеянная, причем очень ленива на мышление, не любит делать умственного усилия, а старается обо всем догадаться, что редко, конечно, удается, особенно в математике. Обучение ее ведется очень примитивно, а воспитания она никакого не получила. Хотя она пионерка и говорит о какой-то пионерской дисциплине, она очень недисциплинирована и, по-моему, с весьма буржуазными наклонностями. В этом, конечно, виновата та обстановка, в которой она живет сейчас. Кино, опера, душка Козловский, наряды, гости — все это не вяжется с пионерским воспитанием, и получается какая-то неразбериха. При этом она очень самостоятельна и самоуверенна, чем очень напоминает отца. А между тем по существу она хорошая девочка.

Недавно были мы очень огорчены самоубийством Маяковского⁶. Я лично очень удручена этим фактом. Что такой яркий, сильный и жизнеспособный человек мог из-за неудовлетворенной любви лишиться себя жизни — производит подавляющее впечатление. Маяковский, о котором Ал. Ев. <Пресняков> говорил, что он самый большой поэт нашего времени, привлекал меня не только своим талантом, но той неисчерпаемой энергией, силой и убедительностью, которую излучало его творчество. Я верила в его монолитность и радовалась ей как чему-то ценному, незыблемому и прекрасному, столь редкому в наших серых буднях. И вот то, что эта монолитность не выдержала столь обычного искусства, как неудачливая любовь, — повергло меня в уныние и вызвало в душе нестерпимую досаду на мелочность, зыбкость, неустойчивость человеческой природы. Словом, я переживаю тяжелое разочарование. И потом как трагично, что все яркие, светлые умы так непрочны, так мгновенно и неожиданно уходят из жизни. Смерть Ленина, смерть А.Е., самовольный уход Маяковского — как все это примирить с какой-нибудь логичностью нашего существования, какой в нем смысл, если все лучшие, самые нужные нам люди сметаются с жизненного пути как ничтожные букашки? Зачем же тогда дана жизнь человеку, когда грош ей цена? А видимо, это грош, если такой одаренный человек, как Маяковский, с его необычной жаждой жизни, с кипучей деятельностью, такой полезный работник в социалистическом строительстве, так любимый рабочей массой, не нашел во всем этом удовлетворения и без сожаления отшвырнул от себя этот дар жизни, столь ценный людьми вообще — не знаю, собственно, за что? Не помню, кто написал о нем: «Самое полнокровное, самое жизнеспособное сердце разбито выстрелом из револьвера»⁷. Вот и все. Как мог это сделать человек, который сказал:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс⁸.

И это не были пустые слова. У него действительно была звонкая сила, и ею он служил делу социализма, искренне веря в свое дело. Об этом говорят все знавшие его и пишущие теперь бесконечные статьи об этом действительно большом и сильном человеке. Недаром его мозг весил на фунт больше обыкновенного⁹. И какое у него было замечательное лицо, я всегда любила это лицо. Я знаю, что ты его не знаешь. Я тоже ближе его узнала после смерти по бесконечным воспоминаниям людей, близко его знавших. Конечно, надо жить нашей жизнью, чтобы понять, почему мы так потрясены его самоубийством. Это было самое яркое явление в нашей жизни, каким был Пушкин в свое время — чего его современники не признавали. Боюсь, что ты меня не поймешь, а между тем я так сильно это переживаю.

Уже поздно, и надо кончать и ложиться. В 7 ч. надо вставать. Леня просит написать тебе, что недавно у него на уроке был инструктор по математике Флоринский¹⁰ и признал его математиком.

Давно не было от тебя писем, я знаю, что ты очень занят, а все же скучно. Целую тебя крепко и всех твоих. Мама.

Папка 11. Л. 15–19 об.

¹ Возможно, государственный квартет им. Страдивариуса.

² Возможно, Даниэлян Айкануш Багдасаровна (1893–1958), солистка Театра оперы и балета в Тифлисе.

³ Высший свет (*франц.*).

⁴ Козловский Иван Семенович (1900–1993) — оперный певец, народный артист СССР (1940).

⁵ Опера Э.Ф. Направника.

⁶ Самоубийство поэта В.В. Маяковского (1893–1930) произошло 14 апреля 1930 г.

⁷ Источник цитаты не установлен.

⁸ Из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924).

⁹ В периодике того времени много писали, что после самоубийства В.В. Маяковского его мозг был отправлен на изучение в Государственный институт по изучению мозга. Сообщалось, что вес мозга поэта составил 1700 граммов, в то время как средний вес мозга взрослого мужчины — 1300–1400 граммов. Подробнее см.: [Спивак 2001].

¹⁰ Возможно, Флоринский Михаил Михайлович (р. 1892).

17 июня 1934 г.

Сейчас прочла твое письмо, дорогой мой Мишук, и захотела сейчас же тебе ответить. Редко это случается, но затронутый нами вопрос очень животрепещущий для меня. Ответ на него заключается в твоих словах: «всегда с интересом, редко с сочувствием». Это-то я и хотела знать; это-то и есть результат разницы в наших surroundings¹: ты среди зрителей, я среди лицедеев. Так бесконечно хотелось знать, что ты видишь из твоего далека и что думаешь о нас. В нас произошел

такой психологический сдвиг, что нам трудно представить себе иное отношение к происходящему, чем то, что создалось в нас самих. Как властно наша действительность заставляет нас чувствовать себя частью громадного целого, этого тебе не понять — слишком разные наши surroundings. Ты живешь в стране, стоящей на старых устоях, а мы в стране, свалившей эти устои и строящей новую жизнь на новых принципах и вырабатывающую новый тип людей. Мы живем этим строительством, и думаю, что все мыслящие и чувствующие всю значимость происходящего не могут сейчас жить иначе у нас. Это не имеет ничего общего со стремлением жить с веком наравне². Это стихийное чувство, к которому нельзя, да и не надо противиться. Вывод отсюда, что наша эпоха «созвучна нам», как ты выражаешься. Настоящее так захватывает, что невозможно выбирать иную эпоху, чем наша. И я очень жалею людей, которые до сих пор прячут голову под крыло, чтобы не видеть настоящего, и живут обломками прошлых воспоминаний. Для меня они живые мертвецы, и мне тяжело с ними общаться. Вы же, как зрители, конечно, не можете принимать участия в нашей жизни. Я хотела только знать отношение к ней и хотела бы, чтобы интерес перешел в сочувствие. Всегда хочется созвучия с близкими.

Относительно Володи <Терентьева> скажу в защиту своего скороспелого мнения, что оно основано на характеристике Володи, данной Надей <Палибиной>: я лично Володю очень мало видела и относилась к нему как к хорошенькому, милому мальчику — мужчиной, т. е. определившейся личностью, его не знаю. Если я ошибаюсь, тем лучше. В моих глазах отсутствие склонности к умственному и тем более научному труду не порок, а просто свойство природы. Я сама никогда не выказывала склонности к умственному труду и люблю физический.

Известие о том, что ты стал помещиком³, ошеломило нас своей неожиданностью. У Лени сейчас же явились всякие практические соображения, как будет охраняться ваше поместье летом, и что будете делать с ним зимой, и не опасно ли ваше положение в стране разорившихся фермеров. Вообще, в наших глазах владение недвижимой собственностью очень громоздкое предприятие, т. к. мы стали волею судеб птицами перелетными, не вьющими себе гнезда. У меня даже к движимому имуществу всегда было неприязненное отношение как к затруднению передвижения. Я всегда говорила, что хотела бы жить в хорошем отеле, не связанной с имуществом. Правда, мы сейчас достигли второй половины этого пожелания; кроме большого количества книг, у нас только самое необходимое. Я не могу сейчас определить своего отношения к вашей ферме. Подожду дальнейших сообщений о вашей жизни, об антураже, об удобствах и недочетах и т. д. Если вам будет там хорошо, порадоюсь за вас. Рада я также за Арсенчика и Наташу, что им так повезло со школой⁴. Надо надеяться, что вам удастся также удовлетворительно решить вопрос о Сереже и Марине. Неужели этой крошке тоже уже скоро пора дошкольно воспитываться? Мне все это так странно. Все мы поступали в гимназию 10 лет и проводили в этом учреждении ровно 6 лет. Тем мое образование и кончилось, почему я и считаю себя неучем. Гимназия не развила во мне любви к науке и стремления поумнеть. Мне в 16 лет казалось, что надо только веселиться и пользоваться благами жизни. Переезд в Тифлис открыл полную возможность к

тому и другому. Так же беспечно вышла я в 18 лет замуж, совершенно не отдавая себе отчета в важности такого шага, и только пережив тяжелую душевную драму, поняла, какое преступление совершила по отношению к себе и вашему отцу, став его женой. Моей школой была жизнь. Там я получила и первоначальное, и высшее образование, которые заканчиваю теперь. Багаж этих знаний — тяжелая ноша, и нести ее подчас очень трудно. Саня <Пресняков> мне еще говорил, что меня развила моя литературная начитанность, очень тонкое, по его мнению, восприятие художественной литературы. В этом я, конечно, не судья. Сейчас меня очень затягивает то, что происходит у нас, — это моя единственная духовная пища. Читаю новые журналы, три газеты. Зачитываюсь речами Литвинова⁵ и глубоко уважаю и люблю этого человека за широту его взглядов и глубину его ума. Неожиданно мои чувства совпали с отношением к этому человеку тети Нины <Калашниковой>!⁶ Вот как никогда нельзя знать, где найдешь сочувствие и понимание. Жаль, что не там, где бы этого больше всего хотелось.

Т. к. ты пишешь, что 20 июня едешь к себе на ферму, я пошлю это письмо по новому адресу. Следующее надеюсь написать в Дмитрове⁷, хотя до сих пор нет от Наташи <Терентьевой> окончательных известий о найме комнаты. Незвизрая на это, мы уже купили билеты на 26-е число на ленинградский поезд скорый № 19, долженствующий прийти в Москву 29-го в 6 ч. вечера, но Миша К<алашников> утверждает, что он всегда опаздывает и мы приедем ночью. Это уже хуже. Поэтому, не надеясь на Наташу, я написала Палибиным, чтобы они снесли с ней (ни письма, ни телеграммы с ее стороны ответа не вызывают), сообщили бы о дне нашего приезда и сами бы нас встретили. Мне пока не верится в реальность возможности попасть к своим в Москву⁸. Может быть, и поверю в нее, сев в вагон.

Пока у нас стоит прохладная для июня погода. Хоть бы она продержалась до 30 июня, а то перегон до Ростова очень мучителен летом. Меня это не очень пугает, п<отому> ч<то>, имея в перспективе исполнение многолетней мечты, можно много вытерпеть.

Опять мне суждено поздравлять вас с новосельем — в который раз? Шлю наилучшие пожелания всем владельцам фермы и жду дальнейших подробностей об этой новинке.

Из Москвы напишу, по какому адресу мне писать, т. к. по Таниному <адресу> письма посылать безрезультатно, по-видимому.

Целую всех вас крепко и желаю полного благополучия. Мама.

Папка 10. Л. 29–33 об.

¹ Среда, окружение (англ.).

² Из стихотворения «Чаадаеву» (1821) А.С. Пушкина.

³ Имеется в виду приобретение загородного дома (дачи) в Вест-Вардзборо, штат Вермонт.

⁴ Речь идет о детях М.М. Карповича — сыновьях Арсении (р. 1922) и Сергее (р. 1929) и дочерях Наталье (в замуж. Анисимова; р. 1927) и Марине (в замуж. Хайдеман; 1930–2000).

⁵ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — нарком по иностранным делам СССР (1930–1939), представлял СССР в Лиге Наций в 1934–1938 гг.

⁶ Калашникова Нина Викентьевна (урожд. Карпович; р. 1856) — тетка М.М. Карповича, родная сестра его отца, в 1921 г. с дочерью Татьяной эмигрировала в Италию.

⁷ В январе 1931 г. И.Г. Терентьев, работавший режиссером в Днепропетровском украинском музыкально-драматическом театре им. Т.Г. Шевченко, был арестован и осужден по 58-й статье на 5 лет лишения свободы. Он был сослан на Беломорско-Балтийский канал, где руководил театральной труппой, составленной из заключенных (Повенецкой бригадой). Освобожден досрочно в мае 1933 г. С сентября того же года работал по вольному найму на канале Москва — Волга. Получил комнату в городе Дмитрове, куда и собиралась приехать М.Е. Ямпольская в начале 1934 г.

⁸ По дороге в Дмитров М.Е. Ямпольская решила остановиться в Москве, в квартире дочери, жившей в Большом Кисельном переулке (д. 8, кв. 20).

11

Москва. 1 июля 1934 г.

Вот я и в Москве, дорогой мой Мишук. Знаю, что эти пять слов очень тебя обрадуют. Приехали мы три дня тому назад, остановились у Наташи <Терентьевой> и завтра едем в Дмитров. Леня пробудет там только три дня и пятого уедет в Ленинград, куда обещал с Метревели¹ приехать 6-го для того, чтобы быть его поводом по Ленинграду и окрестностям, т. е. Царское, Павловск, Петергоф и проч. Конец июля и ½ августа проведет в Дмитрове и уедет 16-го в Ленинград.

Москву я весьма поверхностно обзрела сегодня, но того, что я видела, вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что Москва преобразовывается гигантскими шагами и приобретает вполне европейский, культурный и вместе с тем художественный вид. Прежде всего поражает несвойственный ей прежде вид чистоты и строгого уличного порядка. Все тротуары асфальтированы, мостовые из брикетов. Движение регулируется так, что, несмотря на его интенсивность, я лично двигаюсь без всякого страха по улице. Все новые постройки очень красивы, выдержанного стиля и вкуса. Одно из лучших зданий — дом американского посла, русский ампир с коринфскими капителями из желтого камня. Помещается он против Карбасникова на Моховой, близ старого университета². По правде сказать, я не ожидала такого впечатления. Москва очень красива и во всяком случае производит гармоничное впечатление, какого не получаешь хотя бы от Берлина.

Наташу мы застали одну, т. к. Игорь уехал на трассу канала и вернется только к 20. Она так наняла мне комнату в Дмитрове, но в отсутствие Игоря я поживу с ней. Прожить думаю месяца три, но не уверена в будущем³. Во всяком случае, хочу тебя просить выслать деньги на Наташино имя так, чтобы я получила их в десятых числах (до 15 августа), т. к. Лене нужны деньги на дорогу. Своевременно я сообщу тебе насчет сентября.

Сегодня больше не могу писать, т. к. после вечерней прогулки по городу валюсь с ног, а теперь уже 12 часов. Утром в 10 ч. мы уже уезжаем. Большое письмо напишу из дмитровского уединения.

Видела уже здесь Бебу с мужем⁴ и Муху⁵ — подробности до следующего письма.

Целую твоих и крепко тебя обнимаю. Счастьем повидаться с близкими всецело обязана тебе, мой родной. Все шлют тебе привет. Мама.
Пиши мне на Наташино имя. Москва. Б. Кисельный 8, кв. 20. Для меня.

Папка 10. Л. 34–35 об.

¹ Метревели Иван Дмитриевич — преподаватель, коллега Л.А. Захарова по работе в учреждениях Политпросвета в Тифлисе.

² С 1934 г. посольство США располагалось на Моховой улице в доме 13, построенном архитектором И.В. Жолтовским. Неподалеку, на Моховой, 24, располагался книжный магазин купца Н.П. Карбасникова (1852–1921).

³ Мария Евгеньевна прожила в Дмитрове полтора месяца — со 2 июля по 16 августа 1934 г.

⁴ Возможно, Боровская Нина Николаевна (урожд. Палибина; 1898 — не ранее 1952) — дочь Н.Н. и Н.Е. Палибиных, двоюродная сестра М.М. Карповича, педагог. В 1930-е гг. преподавала немецкий язык в Московском областном педагогическом техникуме иностранных языков и аспирантам Всесоюзного научно-исследовательского института зерна и продуктов его переработки. Ее муж — Александр Николаевич Боровский (р. 1901).

⁵ См. примеч. 19 к письму 1.

10 июня <19>35 г.

Сейчас получила твое письмо, дорогой мой Мишук, и решила теперь же на него ответить, боясь растерять рожденные им мысли. Одновременно с твоим принесли письмо от Нади <Палибиной>, меня огорчившее. Ты должен теперь уж знать о моем проекте провести лето в Квишхетах¹ (около быв<шего> Михайлова) и что Наташа обещала мне месяц прожить со мной. Наташины планы изменились, она остается в Москве, а Надя, которую я звала к себе, сегодня сообщает, что, несмотря на ее большое желание, вряд ли удастся его исполнить, т. к. Мухин отпуск под вопросом, п<отому> ч<то> в Москве большой недостаток в психиатрах; там реорганизация психиатрических больниц, и она очень нужна. С Надеей то же, что с Наташей. Обе не решаются оставить в трудную минуту своих дочерей чисто по бытовым условиям. Обслуживать самих себя, когда завален работой, невозможно, и человек, поставленный в такую необходимость, просто чахнет. Особенно остро этот вопрос стоит относительно Мухи. Ты поймешь, что после бывшего у нее заболевания, — призрак его носится над ней, и ей нужно постоянное диетическое и усиленное питание². С Таней <Терентьевой> дело другого рода. Она здоровая и цветущая, но мать не хочет ее оставлять одну в трудную минуту, а минута критическая, т. к. неизвестно, допустят ли ее к экзамену в Энергетическом институте³, т. к. дают преимущество комсомолу, в котором она пока не состоит. Наташа пишет, что Таня склонна к пессимизму, легко впадает в меланхолию, и ей нужна моральная поддержка. Кроме того, Наташа временами занимается с ней языками, русской литературой и даже историей партии и пишет, что она очень

счастлива, что может быть Тане в помощь. В этом есть какая-то повышенная чувствительность материнского чувства, идущего до полного порабощения Наташи, что, конечно, бесполезно Тане. Она платит матери большой и в то же время деспотической любовью. Тут есть какой-то дефект в Танином воспитании: она слишком ребячлива для своих 18 лет и любит капризничать, что вовсе ей не пристало при ее пышной фигуре. Мне это не нравится, что я Тане прямо говорила. Вообще, все трио Терентьевых как-то ребячливо нежны друг с другом. Раз так я заговорила о чувствах, то признаюсь тебе сразу, что я совершенно лишена той кровной связи, которая тебя так тесно связывает со всей родней. Единственным исключением являешься ты, которого я ощущаю как плоть от плоти. При твоём появлении на свет во мне родилось впервые материнское чувство, чем я и объясняю мое исключительное чувство, которое ни с чем не сравнить. Уже на Наташу у меня не хватило его, и она всегда мне казалась менее близкой, чем ты. В родственных чувствах у меня играла роль личной симпатии: я очень люблю Палибиных, <потому> <что> они близки мне по духу, равнодушна к Юлиным сыновьям и не любила, т. е. не была привязана, к Ефремовым⁴. С Надей мы всегда дружили как две подруги и до сих пор остаемся ими. Остальные ветви пресняковского рода мне всегда были чужими людьми. Твое отношение ко всем родным как таковым было мне всегда чуждо. Родным можно быть по духу, безо всяких кровных уз. Мое отношение к Жене и Леле тем и объясняется, что этого родства нет⁵; мы люди не только разных идеологий, но и разных восприятий мира. Но напрасно ты мне ставишь в упрек, что я их осуждаю. Откуда ты это взял? Я просто смотрю на них с любопытством как на нечто, мною давно не виданное и забытое, хотя недалеко то время, когда я сама и все окружающие были такими. Мы были поглощены одним стремлением к благополучию для себя и закрывали глаза на чудовищную несправедливость нашего существования. Ты упрекаешь меня в схематизме в моих воззрениях и неприятии того, что в пределы моего кругозора не укладывается. Могу вернуть тебе твое обвинение: скажи, пожалуйста, куда девается в твоём кругозоре факт существования миллионов обездоленных, смотрящих на своих детей, мрущих от голода, когда ты строишь схему благополучной жизни всех могущих ее достигнуть? Почему ты не включаешь в эту схему всеобщее благосостояние? Применение пушкинской «дыбы» я не приемлю. Состояние *béatitude*⁶ можно испытывать без материального благополучия, просто от сознания, что живешь в стране, где все угнетенные национальности уравниваются, что все они живут по-человечески, что хоть сотая доля мировой несправедливости уничтожена именно у нас, что рядом с нами в чудном барском доме живет беднота, и у нее в жилищах чище, чем у нас, <потому> <что> у нас нет навыков и нет сил так блюсти эту чистоту; что дети их учатся у Лени в школе, что в кино мы сидим бок о бок с рабочими, что раскрепощенные женщины Востока сбросили чадру и кончают вузы, что все эти народности воспевают свою новую жизнь в стихах на всех языках и что мы свидетели этого чуда. И когда попадаешь в общество людей, которые этого ничего не знают и знать не желают, а заняты только своими туалетами и фризурами, невольно чувствуешь, что попал в совершенно чуждую атмосферу. За что же ты меня осуждаешь? Я полна сознания, что я на седьмом десятке дожила до всех этих

чудес, совершающихся у меня перед глазами. Признаюсь, что, как ты называешь, «это» составляет центр моей жизни, и иначе не может быть. Меня нисколько не удивляет и тем более не вызывает осуждения стремление людей к другим идеалам — я только чувствую к ним отчуждение. Их идеалы неприемлемы для меня, как мои — для них, мы люди разных миров, мне скучно с ними. И притом в том доме, где мы встречались, существует безвкусная манера уснащать разговор пошлейшими анекдотами из нашей действительности, позорящими только самого рассказчика. Недаром Гоголь сказал: «Над кем смеетесь, над собой смеетесь!»⁷ Все недочеты нашей жизни вносятся остатками былой пошлятины, самоуверенной тупости, подхалимства, любостыжательства и прочего букета, украшающего обывателя. То и печально, что жизнь улучшается, а человек мало поддается культуре и умственной, и в особенности моральной. Говорят, человек красит место, а в нашем случае он часто гадит всякое благое начинание. Такова уж человеческая натура.

Я уже писала тебе, что наняла комнату в Квишхетах. Помощи в этом случае мне не нужно. В этом месяце произошла заминка в получении твоих денег. 1-го я получила повестку из Нью-Йорка, а в банке до сих пор перевода нет. Спасают нас твои лишние 15 долл<аров>. Ехать мы могли бы уже в конце июня, но боюсь, что следующая получка задержит нас, т. к. для получения перевода мне нужно быть в городе. Ты пишешь, что числа 15-го вы уедете в свою усадьбу. Значит, это письмо тебя не застанет в Кембридже. В Квишхеты писать нельзя — там нет почты. Это не курорт, а небольшое селение. Придется июль и август не переписываться. Может быть, я на месте выясню, как отправлять письма, может быть, их носят к поезду — тогда напишу. Под конец хочу тебе сказать: мне вовсе не чуждо удовлетворение, которое дают перечисленные тобой ценности, как дружба, привязанности, искусство, природа. Все это украшает жизнь, но не составляет, в моем случае, главное ее содержание, как это было прежде. У каждого человека, в том числе и у меня, есть критерий, который определяет, что для него важнее всего и ценнее всего в его жизни. Что же необычайного в том, что, переживая то необычайное, что происходит у нас, я нахожусь во власти этих впечатлений и отдаю им больше сил, чем всему остальному? В прошлом у меня было много удовлетворенья культурными ценностями. К концу жизни появились совсем иной категории интересы. По-моему, это неплохо, и я не жалею, что дожила до нашей эпохи — очень уж захватывающ тот сдвиг, который происходит. Может быть, выраженное мной неубедительно, но, во всяком случае, это не то, что бумага терпит, а то что живет во мне.

Ну, пора кончать нашу дискуссию, уже поздно. Начала писать днем, а кончила ночью. Леня сейчас у Калашниковых.

Целую крепко тебя и твоих и радуюсь вашему благополучию. Мама.

Папка 7. Л. 35–40 об.

¹ Село в Грузии, климатический бальнеологический курорт.

² Имеется в виду онкологическое заболевание. В июне 1934 г. М.Н. Палибиной была проведена операция по удалению шейных желез.

³ Т.И. Терентьева смогла поступить в 1935 г. в Московский энергетический институт, но не на дневное, а на вечернее отделение, которое окончила в 1946 г. по специально-

сти инженер-электрик. Сотрудник Московского научно-исследовательского института радиосвязи.

⁴ Ефремова Екатерина Евгеньевна (урожд. Преснякова; р. 1864) — родная сестра М.Е. Ямпольской. Ее муж — Вениамин Николаевич Ефремов, полковник, инженер Охтенского порохового завода.

⁵ Евгения и Елена Георгиевны Калашниковы — двоюродные сестры М.М. Карповича. В 1901 г. уехали из Тифлиса получать высшее образование в Женеву (Швейцария). Елена Георгиевна (в замуж. Лиони, р. 1880) окончила медицинский факультет Женевского университета, врач. Евгения Георгиевна (в замуж. Сканциани; 1882–1953) окончила консерваторию в Женеве, певица. В марте 1935 г. приезжали в Тифлис по приглашению брата.

⁶ Блаженство (*франц.*).

⁷ Цитата из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

16 ноября 1936 г.

Дорогой мой Мишук!

Вчера получила 50 дол<ларов> и боюсь, что тебе нелегко было их выслать. Ведь осенью у тебя всегда так много расходов. Теперь хочу тебя просить не высылать мне больше денег — лучше посылай нужные нам вещи, когда у тебя будет возможность это сделать. Самое необходимое сейчас — это рабочий костюм для Лени, о чем я уже писала тебе, сообщая о получении посылки. Я просила учреждение, приславшее ее, выслать мне прејскурант, как они сами предлагают, для дальнейшей ориентировки.

Давно не было от тебя писем, и меня это начинает беспокоить, может быть, рассудку вопреки, т. к. я знаю, как ты нагружен работой в первом учебном полугодии. Леничка тоже очень занят, но больше математикой, чем школой¹. Там у него, к сожалению, не так много уроков, как предполагалось. Все-таки он ходит в библиотеку за матерьялом для своего преподавания. Два раза в шестидневку ходит в свой институт — раз днем и раз вечером, и, кроме того, должен бывать на исторических конференциях два раза в месяц. Огорчает меня то, что он очень утомлен. В Пушкине я приписывала его утомление езде в поезде² и надеялась, что в Москве он будет лучше себя чувствовать. Конечно, наше затруднительное положение тоже действует на его самочувствие, и он нервничает. Перемену на нашем хозяйственном фронте принесла твоя посылка, увеличившая наши ресурсы. От Игоря же по-прежнему ничего нет. Наташа <Терентьева> все ждет решительного поворота в его судьбе и надеется, что он поедет на работу в Ашхабад³, но он не пишет и не едет, хотя обещал приехать после Октябрьских празднеств, т. е. 10-го ноября. Наташа очень извелась неизвестностью и очень тяготится создавшимся положением, поэтому никто, кроме Игоря, помочь не может, а от такого человека, каким он себя выявил за последнее время, ждать нечего. По-моему, его пребывание на канале сильнее подействовало на него, чем это было заметно сразу после его возвращения. На меня он производит очень тяжелое впечатление большого

человека, не воспринимающего окружающей жизни просто по недостатку сил. В нем есть что-то инертное, усталое, не соответствующее тому усилию, какое требуется от человека для того, чтобы выйти из того критического положения, в какое он попал после краха его в роли кинорежиссера⁴. От души желаю, чтобы мой диагноз был неправилен, но, судя по аналогии с Володей <Терентьевым>, мало надежд на то, чтобы я ошиблась.

19 ноября

Отложила письмо на 2 дня в надежде получить от тебя письмо и сразу на него ответить, но надежда эта не оправдалась. Жизнь наша этой зимой сложилась очень неудачно и также однообразна. Трудно из нее извлекать материал для писем, а настроение мое сейчас так зависит от забот о мелочах жизни, что мне гораздо труднее писать на отвлеченные темы, чем было в Пушкине. Часто я вспоминаю мое пушкинское уединение с сожалением. Мне гораздо легче живется вне общения с людьми, и, вероятно, потому, что я отвыкла от него, я стала нелюдима и легко раздражаюсь от всяких трений с близкими людьми. С соседями я очень лажу, п<отому> ч<то> вижу их реже, а со своими теряю терпение просто от тесноты, от которой некуда деваться. Ужиться в вынужденном нуждой окружении вообще трудно, а особенно таким разным людям, как мы и Терентьевы. У них быта вообще нет, а есть безалаберная суতোлка настоящей богемы, чего я никогда не выносила, а тем более сейчас, когда достигла предельного возраста. Ведь мне в марте исполнится 70 лет. Шутка сказать. Настоящее мелькает очень быстро, а прошедшее кажется невероятно долгим, какая-то бесконечная вереница событий. Как это все могло уложиться в одну жизнь — прямо непостижимо.

Правда, что меня упрекают в непоседстве и легкомыслии, с которым я меняла местожительство. Каюсь, что сидеть долго на одном месте не люблю и ни к какому месту, где я ни жила, я не привязывалась. Сейчас прервала письмо, п<отому> ч<то> слушала сообщение Кольцова из Мадрида⁵. Сообщает, что Мадрид весь охвачен огнем. Погибли все музеи с их драгоценными картинными галереями, погибли библиотеки. Мадрид не взят, но разрушается огнем, чем и грозил Франко⁶. Германия и Италия признали его правителем Испании и, отозвав своих послов, прислали новых — фашистскому правительству⁷. Какой ужас — дожить до фашизации всей Европы. Сообщения по радио все время говорят о бодрости духа испанцев и об их решимости не сдавать Мадрида. Когда ты получишь это письмо, все дело уже будет кончено. Если я пишу эти подробности, то п<отому>, ч<то> мы все так поглощены испанскими делами, что это отражается на нашей психологии. Тяжелое время мы переживаем сейчас — поневоле приходится волноваться и проклинать зверство человеческой природы, доводящее целые народы до чудовищной изобретательности в истреблении друг друга. Хороший результат многовекового развития европейской культуры — изобретения всевозможных ядов и газов для истребления рода человеческого. Какой пародией теперь звучит изречение «Человек — это звучит гордо»⁸, когда эта тварь самая кровожадная и коварная во всем мироздании. Придется кончить письмо на этом безнадежном выводе.

Все думаю о том, получу ли я на днях письмо от тебя.
Крепко тебя обнимаю, мой родной. Целую всех твоих. Мама.

Папка 7. Л. 132–135 об.

¹ С сентября 1935 г. Леонид Захаров преподавал историю в школе № 38 Ленинского района Москвы. Кроме того, слушал лекции по математике и физике в Московском государственном педагогическом институте им. А.С. Бубнова.

² В июле 1935 г. Мария Евгеньевна и Л. Захаров покинули Тифлис и приехали в Москву, в сентябре 1935 г. поселились в подмосковном Пушкине. С сентября 1936 г. они жили в Москве.

³ В сентябре 1936 г. И.Г. Терентьеву предложили работать в Театре народного творчества в Ашхабаде, однако в конечном итоге он туда не поехал.

⁴ С апреля 1935 г. И.Г. Терентьев работал в московской киноорганизации «Межрабпомфильм». Осенью 1935 г. начал снимать картину «Восстание камней» о событиях Гражданской войны в Керчи. Выход фильма планировался в январе 1936 г., но на экраны он не попал. В августе 1936 г. закрылся «Межрабпомфильм».

⁵ Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940) — публицист, журналист, писатель. Корреспондент «Правды» во время гражданской войны в Испании (1936–1939).

⁶ Франко Франсиско Баамонде (1892–1975) — испанский военный и политический деятель. Диктатор Испании в 1939–1975 гг., совмещал функции главы государства, правительства и верховного главнокомандующего.

⁷ Правительства Германии и Италии официально признали правительство генерала Франко и установили с ним дипломатические отношения 18 ноября 1936 г.

⁸ Цитата из пьесы М. Горького «На дне».